

Возвращение Турецкого

Фридрих Незнанский

Забывать и выжить

«Автор»

2007

Незнанский Ф. Е.

Забыть и выжить / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
2007 — (Возвращение Турецкого)

В крупном южном городе произошло непредвиденное всеобщее отключение электричества. Подозревается диверсия, и по этому поводу возбуждено уголовное дело. У Александра Турецкого, уволенного из Генеральной прокуратуры после тяжелой контузии по состоянию здоровья, дома произошел конфликт с женой, после чего он оставил Москву, не отвечая ни на чьи звонки. И стал невольным свидетелем «Конца света», как было названо это отключение. Местная прокуратура пытается привлечь его к расследованию преступления, однако у бывшего «важняка» появился здесь и свой личный интерес: он встретил человека по кличке Полковник, страдающего биографической амнезией, и задался целью вернуть ему память.

Содержание

Пролог	6
Глава первая	13
Глава вторая	21
Глава третья	28
Глава четвертая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Забыть и выжить

В основе книги – подлинные материалы как из собственной практики автора, бывшего российского следователя и адвоката, так и из практики других российских юристов. Однако совпадения имен и названий с именами и названиями реально существующих лиц и мест могут быть только случайными.

Пролог У БОГА ПОД БОКОМ

– Что ты решил со своим пауком?

Вопрос был задан таким тусклым тоном, словно голос донесся не из суперсовременного японского мобильного, а из дырявой, ржавой трубы, забитой всякой дрянью.

– Он должен в течение ближайшей недели, начиная прямо с сегодняшнего дня, изыскать возможность проникнуть в нужные нам сети и сразу сообщить о начале операции, – так же глухо ответил собеседник, находившийся с телефонной трубкой в руке в полутемной комнате, окна которой были затянуты жалюзи, а поверх еще и шторами из плотной ткани. Был он высоким, тощим мужчиной лет за пятьдесят, с наголо выбритой головой, худощавым лицом и длинными, костлявыми руками. Светло-серый костюм делал его в слабом, рассеянном свете, излучаемом плоским монитором компьютера, зыбко неприметным, почти эфемерным.

– Способ связи обусловлен?

– Так точно, – без раздумья, почти автоматически ответил «серый», что выдавало в нем еще недавно бывшего военного.

– Наблюдение обеспечили?

– Исключено полностью.

– Ты сошел с ума? – не меняя интонации, спросил «тусклый».

– Никак нет, – четко ответил «серый». – Он соглашается работать только на своих условиях. Ни один из способов наблюдения, во всяком случае известных нам, здесь не проходит. Договариваться бесполезно. Опыт указывает...

– Плевать мне на твой опыт! – словно сорвавшись, заорал «тусклый», вмиг обретший громкий, даже чуть визгливый, высокий голос. Появилось ощущение, что он забылся и нечаянно убрал от лица платок, через который говорил в микрофон. – Я тебе не за это бабло отстегиваю! Я должен!.. Слышишь, я обязан знать о каждом его шаге, чтобы в нужный мне, а не ему – ясно? – момент забрать ситуацию в собственные руки! И если ты не можешь...

Да, полторы тысячи долларов заказчик действительно отстегнул – перевел на счет, с которого их немедленно перевел на другой, а затем и снял наличку куратор, чтобы приобрести процессор последней модели. Что было, то было. Но зачем попрекать-то? Для дела же, не для игрушек...

– Позволю себе напомнить, – с легким придыханием, что указывало на явное волнение, прервал «хозяина» «серый», – что уже почти восемь лет никто не может его засечь. Ни одна контора, прошу прощения, включая британскую МИ-6. По некоторым данным, в настоящее время он может обретаться где-то в Скандинавии.

– А как же ты?... Ах, ну да... Гм... – Голос снова стал тусклым и далеким. – Но связь-то хоть гарантируешь?

– Так точно. Форум, в который он выйдет, и примерное время встречи обговорены. Он зарегистрируется, введя липовые данные, и потом его не найдешь. Как уже делал это не раз. Потому и неуловим. А номер его счета вам передан, что же до суммы...

– Что здесь-то не устраивает? Количество нулей?! – снова «загрохотал» «хозяин».

– Никак нет, это его устраивает. Но он требует пятьдесят процентов предоплаты.

– Значит, у тебя все-таки имеются сомнения? Тогда тем более надо...

– У меня в отношении данного хакера абсолютно никаких сомнений нет, и он, я готов это вам повторить, еще ни разу не подводил.

– Да ладно! Откуда тебе-то известно? Это он, что ли, тебе рассказывал? Так то не доказательство... Тем более, я считаю, надо сети расставить! В общем, так, половины не будет. Вся сумма и сразу – по исполнению. Есть запасные варианты связи?

– Есть... – помолчав, неохотно признался «серый». – Но...

– Никаких «но»! Ты за что у меня бабло гребешь?! Запомни: халявы не будет! И сам заруби на своем шнобеле, и другим передай! Я считаю, вы там вовсе оборзели! Пахать разучились?! Мух, понимаешь, ноздрей давите?!

– Еще раз прошу прощения, но дело не в нас, а в том, что Спайдер может в таком случае отказаться от нашего заказа. А средств воздействия на него, и тем более иных вариантов быстрого и, главное, грамотного исполнения вашего желания, у меня, к сожалению...

– И ты еще раз заруби! – «Хозяин» перешел на крик. – Мне насрать на твои сожаления!.. Я так считаю! А если не выполнишь, пеняй на себя, – закончил он вдруг совершенно спокойно, будто и не орал только что. И от этого не наигранного, не показного, а вполне естественного и даже словно бы абсолютно логичного и уверенного его спокойствия «серый» как будто сдулся, подобно детскому шарiku-колбаске, стал меньше в размерах.

Ну то, что он не привык к такому тону, было бы понятно, если бы... если бы кто-то постоянно наблюдал за ним в этот момент. Однако посторонних в комнате, где всего и стояли-то пара шкафов со столом, мощный процессор и большой жидкокристаллический монитор компьютера, не было. А на стуле перед экраном, сгорбившись, сидел человек, которого немногие, знавшие его – можно сказать так: партнеры по опасному бизнесу, – называли куратором. И хотя звучало это слово кличкой, на самом деле таковой была его профессия. Он около восемнадцати лет уже курировал особые проекты своих заказчиков, вел переговоры с исполнителями, но при этом ни разу в жизни не видел, да и не стремился встречаться ни с ними, ни со своими работодателями, он только слышал их голоса в телефонной трубке. Они бывали разными, в зависимости от результатов, – то спокойными, то нервно взвинченными. Но голос хамски грубый и даже разъяренный, как сейчас, причем без видимых к тому оснований, услышал впервые. И это обстоятельство крайне озадачило куратора. Более того, насторожило. Таким образом, и над ним самим как бы нависала определенная опасность, а ведь он считал себя неуязвимым...

Уайт Спайдер, а в переводе – белый паук, лучший, как был уверен куратор, хакер – молодой, явно русский по происхождению, заходил в Паутину под десятками ников, то есть имен, но сам редко откликался на предложения чужих заказчиков. Куратора он знал, и тут проблем до сих пор не было. Каждый твердо держал свое слово, и заказ выполнялся на уровне хай-класса. И вот впервые могло обозначиться нечто вроде сбоя. Условиям Спайдера, если ты уже передал ему, а он принял заказ, надо было следовать неукоснительно. Так договорились и в этот раз. Но теперь у заказчика – сам ли сбрендил или кто-то надоумил его? – вероятно, появились сомнения. И он вдруг, ни с того ни с сего, выдвинул новые условия сделки. Да какие! Найти и отследить Спайдера! Надо быть просто сумасшедше самонадеянным, чтобы потребовать решения такой задачи...

Из этого следовал опять-таки двоякий вывод: или заказчик настолько крут, что может себе такое позволить и быть уверенным в своем праве диктовать любые условия, или он оборзевший кретин и тупица из «новых русских» и ни черта не смыслит в том, с кем вообще имеет дело. То есть ему и в голову не может прийти, что его попросту пошлют к едреной матери, и на том вся его славная «операция» закончится.

Будет, конечно, жаль, если пройдет второй вариант, потому что денежное обеспечение операции «Конец света», как обозначил ее сам же заказчик, а также очень приличный гонорар за посредничество и надзор за операцией обещали куратору серьезно поправить его финансовое положение. Оно ухудшилось в последнее время, когда стало поступать мало заказов, точнее, мало значительных, в основном по мелочам, по той причине, что развелось слишком много «специалистов» в этой области и конкуренция, которой прежде не было, резко возросла.

Куратор начал все больше разочаровываться в своей работе. Чаше стали вспоминаться прежние, светлые дни, когда в голову не приходило задуматься о перспективах – настолько ясными они представлялись. Но жизнь сразу, причем резко, осложнилась после того, как пришлось ему покинуть стены родной «конторы». Это хорошо еще, что бывшие «коллеги» обошлись только его увольнением, могли ведь, кабы не пресловутая «честь мундира», и приличный срок добавить. По скромно звучащей статье Уголовного кодекса «за превышение должностных полномочий», как стало теперь модно выражаться, ибо избавиться от этих «превышений» еще нигде и никому не удавалось, ни в одной уважающей себя «конторе», а при большом желании подвести под данную статью можно в принципе что угодно, практически любое преступление.

Однако он выстоял, нашел свою нишу, и эта ниша хорошо кормила его, одевала и обувала, а кроме всего прочего, доставляла массу изысканных удовольствий, которые перешагнувшему полувековой рубеж, далеко не красивому мужчине были бы попросту недоступны. Как недоступна, к примеру, обыкновенному, вокзальному бомжу какая-нибудь особо яркая и эффектная московская эстрадная дива типа Лолиты. Хотя, может быть, взят и не самый удачный пример.

В общем, сделал вывод куратор, чтобы не разрывать контракт и не рисковать лишний раз собственной головой – кто его знает, что на уме у этого заказчика?! – придется срочно выходить на Спайдера. И еще неизвестно, как он встретит окончательное решение заказчика – наглое и оскорбительное в своей основе...

Куратор зашел на сайт антикварной мебели и повесил объявление: «Срочно продаются части гостиного гарнитура 50-х годов производства „Мосмебель“. Звонить с 17 до 19 по вторникам...» – добавил куратор, назвав сегодняшний день, и написал номер своего мобильного. Теперь оставалось ждать отклика.

«Белый паук» позвонил ровно в 17:00. Спросил: «Какие проблемы?»

Куратор сдержанно сообщил о том, что условия договора, касающиеся выплаты гонорара, по указанию заказчика меняются. Предлагается проплата сразу по завершении сделки. Спайдер ответил, что ничего не понимает, ибо пятьдесят процентов предоплаты только что получил. А для окончательного расчета по гонорару он представит номер своего счета в другом банке – сразу после исполнения заказа.

– Да-а?!

Поистине глупый вопрос. Но это было все, на что оказался способным куратор, после чего их краткий разговор немедленно прекратился по инициативе, разумеется, исполнителя. На его мобильник, как прекрасно понимал куратор, теперь можно было даже и не пытаться дозваниваться. Наверняка телефонная трубка уже уничтожена. Ну что ж, такова манера вести переговоры у этого Уайта Спайдера. Потому он и неуловим до сих пор...

Странно, подумал куратор, зачем нужно было заказчику ломать комедию с гонораром? Скандальить, крик поднимать, угрожать? А может, все это – никакие не эмоции, а всего лишь подготовка кардинального решения вопроса? Мелькнула мысль, что заказчик и в самом деле мог попытаться собственными силами засечь каким-нибудь образом исполнителя, не подключая к этому процессу куратора. И что же дальше? Не указывает ли это обстоятельство на то, что заказчик уже принял решение избавиться от них обоих? Такую ситуацию следовало основательно обдумать, пока... да, пока еще имеется время...

Александр Борисович Турецкий волею судьбы и собственного неуступчивого и упрямого характера оказался в этом приморском, южном городе по двум причинам.

Первая – осточертела цивилизация. В это широкое понятие у него входили последовательно: родной дом и жена с ее юридически-музыкальными склонностями и морально-нравственными бросками из стороны в сторону, далее – Генеральная прокуратура, юриспруденция, лучший друг Костя Меркулов, освободивший его от этой рутины, сыскное агентство «Глория»,

потерявшее свое лицо после гибели Дениса, а также благодаря вмешательству в ее деятельность того же Меркулова и вынуженного им из глубин пьянства и забвения Антона Плетнева... Ну в связи с последним, если быть честным перед собой, то у Константина Дмитриевича, пожалуй, меньше вины, чем у самого Александра Борисовича. Именно Турецкий вспомнил об этом, им же и загнанном в психушку, бывшем спецназовце ГРУ и напомнил Косте. Это когда расследовалось дело о террористе. Так что неизвестно, чьей теперь вины больше в том, что Ирина Генриховна, благоверная доселе супруга бывшего «важняка» и первого помощника генерального прокурора, приняв непосредственное участие в устройстве судьбы девятилетнего Васи, сына Антона, слишком увлеклась нюансами в области психологии, которые и привели ее в конечном счете в постель папаша этого Васи. Короче говоря, слишком много скопилось минусов... И все они сошлись одновременно, в одном месте и в таком количестве, что о каком-то даже намеке на плюс и думать не приходилось.

Ну а во-вторых, именно в этом городе проживала последняя на сегодняшний день, и вообще в жизни, родственница Александра Борисовича, двоюродная его тетка Валентина Денисовна, которую он не видел как минимум полтора десятка лет. С тех самых, можно сказать, пор, как все в России пошло наперекосяк. Когда все решительно отменили, но ничего дельного не дали взамен, кроме кривобокой свободы, лжи и нищеты. Словом, если что и осталось в душе Турецкого из воспоминаний о тете Вале, которая и была-то старше его всего лет на пять, на семь, то все это осталось в той, далекой, совсем другой жизни. В жизни, которая была родом из Советского Союза и гордилась своей вовсе, слава богу, не дворянской родословной.

Можно еще добавить, что и сам Александр Борисович прибыл к тетке не от хорошей жизни. Нет, не добавить, а уточнить, ибо его настроение полностью соответствовало сути вещей. А вещей при нем, собственно, и не было. Так, кошкины слезы. Поэтому и торопиться было особенно-то и некуда.

Следовало бы добавить, что события предыдущего вечера в кубанской казацкой станице, где судьба малость повалтузила Александра Борисовича, оставили на его физиономии вполне зримые и физически ощутимые следы – в виде хорошего внутреннего кровопотока под левым глазом – результат соприкосновения его лица с кулаком правой руки противника – и содранной кожи на правой скуле, что соответствовало аналогичному действию чужой левой руки. Ничего страшного, такое и прежде случалось, не всякий удар удавалось ловко отразить Турецкому, хоть и очень старался. Все-таки пять десятков – это приличный возраст для драчуна. Но прежде, при обмене подобными любезностями, постоянно державший себя в спортивной форме «важняк» действовал более споро. А теперь, естественно, влияла недавняя контузия, следы которой он еще ощущал, мелкие ранения, да и вообще угнетенное моральное состояние души.

Поезд, на котором прибыл в город Александр Борисович, пришел поздно вечером. И, кажется, он был тем последним, который подкатил к вокзалу, когда еще и на перронах, и на улицах горели яркие фонари. Следующие составы останавливались вдали от вокзала из-за отсутствия в проводах электротока, уже в полной темноте южной ночи. И подтаскивали их к перронам тепловозы, но позже, утром. А ко всему прочему, и небо оказалось безлунным. Хоть и звездным.

Кстати о звездах. Александр Борисович скоро убедился, что только досужие астрономы могут утверждать, будто от них исходит свет. Ничего решительно от них не исходило в крошечной тьме. Но это он понял чуть позже.

Словом, как уже сказано, Турецкий оказался последним, кому еще повезло этим вечером.

Он налегке, в том числе и без документов и денег, которые у него сперли еще на подъезде все к той же станице Новоорлянской, будь она неладна, вышел в город и стал вспоминать, куда идти. Днем все было бы проще простого, а ночью совсем другой коленкор. Да и прошло

с последнего визита сюда, в Новороссийск, пятнадцать лет, не меньше. Но впереди, за площадью, где он увидел нечто типа освещенного фонарями сквера, на скамеечках сидели люди. Явно местные. Вот к ним и направил свои стопы Александр Борисович, мысленно благодаря спустившуюся ночь, которая скрывала не совсем приличные взрослому человеку знаки «боевого отличия» на помятом лице.

Враз свалившаяся на город темнота остановила его посреди площади. Это было очень глупо. Обычно прекрасно ориентировавшийся на местности Турецкий от такой нелепой неожиданности растерялся. Правда, только на миг. Он даже крепко глаза зажмурил, чтобы они скорее привыкли к темноте. А когда открыл... то хоть бы и не открывал. Ощущения мухи, утонувшей в пузырьке с черной тушью, показались ему детской шуткой. Но ведь у мухи и глаза-то какие! На пол-лица, выражаясь фигурально. А тут – сплошное черт-те что! Он даже пальцев своей протянутой вперед руки не видел, как и самой руки – тоже. Но самое поганое заключалось в том, что он вмиг потерял нужное направление. То, что площадь широкая, это он помнил. То, что сквер был метрах в ста впереди, тоже. Но впереди – это где?

Если бы можно было обратиться к Богу с мольбой о помощи, он бы это немедленно и без раздумья сделал. Причем даже не задумываясь о том, какое это свинство просить Всевышнего о столь мелких одолжениях, а еще о том, что уж в его-то возрасте, да и положении, пора бы избавиться от чего-то одного – либо от ханжества, пусть даже имея перед глазами в качестве примера моду на высоких политиков со свечечками в руках, либо от безверия. Нет, ни о чем не подумал Турецкий, Создатель решил временные трудности за него. Возможно, его озаботила все-таки судьба хоть и не совсем путевого, но искреннего, и не только в заблуждениях, сына своего.

На площадь выехала машина и мазнула лучами фар по асфальту, высветив последовательно округу и, разумеется, недалекий сквер и растерянно замершего посреди площади высокого мужчину, тень от которого вмиг достигла указанного сквера. Вот и определился азимут, остальное было делом техники, поскольку машина медленно двигалась через площадь наискосок, и свет от ее фар, падающий на кустарник на той стороне площади, был тем путеводным, звездным путем, на котором чуть не заблудился усталый, одинокий путник...

«Красиво звучит, черт возьми!» – чисто механически отметил изысканность собственного сравнения скорый на ногу Александр Борисович, попутно обидев Господа упоминанием его врага, и достиг сквера прежде, чем машина исчезла в какой-то улице, мигнув на прощание красными огоньками. Дальнейшее ориентирование пошло уже с помощью близких голосов.

– Кто? – раздалось в полной темноте.

– Приезжий... – скорбным тоном ответил Турецкий. – С вокзала.

– Не местный? – повторил тот же голос.

– Не-а, издалека. К дальним родным... А теперь вот и не знаю...

– Не знать он! – хохотнул другой голос, помоложе. – Тут собственного... – голос восторженно матюкнулся, – не видать! Да ишшо кабы на ошшуп не ошибиться! А ему, вишь ты, родню дальнюю подавай! Адрес-то хоть знаишь?

– Гвардейская вроде... надо посмотреть, не видно ж ничего.

– А хрена ему таперя адрес? – вступил третий голос, скрипучий, как у заядлого курильщика. – Да ты не стой, казачок, сидай, местов тут много ишшо есть.

Турецкий услышал какое-то шевеление, потом его что-то толкнуло в бок, и он почувствовал чужую руку. Та потянула его за полу куртки.

– Сидай, сидай, у в ног правды нет. А куковать нам тут ажно до солнышка... Выпить чего нет с собой?

– Увы, не подумал... Не успел.

– Дак вота и мы – тожа... И чево оно? Эй, можа, кто знать али слыхал, нет?

– Черт их всех знает, – буркнул кто-то, сидевший напротив. – Хорошо, хоть тепло нынче...

Вот в таких фразах ни о чем и все – об одном медленно текло время. Александра Борисовича никто не тревожил, не донимал вопросами. Да и разговора, собственно, тоже не было, так, проскальзывали отдельные фразы. И он, отвалившись к спинке скамейки, задремал, словно его нарочно убаюкивала мягкая южная речь. И не украинская, и точно не чисто русская, а нечто среднее...

Когда он, будто от толчка, пробудился, ничего не изменилось, только небо едва заметно посерело слева, где совсем темными были еще горы. Но и это слабое свечение позволило ему разглядеть наконец силуэты сидящих справа и слева от него людей.

А еще он почувствовал наконец запах. Сперва подумал, что это от него исходит – не выветрился вагонный, застоявшийся и прокисший плацкартный дух, но быстро понял, что находится, по всей видимости, в самом центре весьма специфической публики, типичной для всех больших и малых городов на Руси великой, главным образом, конечно, крупных. Да если бы он в настоящий момент посмотрел на себя самого, то вряд ли бы нашел разительное отличие. Разве что в интеллектуальном смысле. Хотя и тут – как еще сказать...

БОМЖ – прежняя аббревиатура (человек без определенного места жительства), окончательно превратившаяся в девяностые годы прошлого и начала нынешнего столетий в нарицательное, расхожее понятие, определяющее качество жизни огромного количества российского населения. Обидно? Оскорбительно? В прошлом веке – презрительная кличка, достаточно, кстати, редкая. А ныне? Обычное дело... Вот и сам Турецкий нынче по статусу – тот же бомж: ни денег, ни документов. Смешно?... Да, знали бы они, кто на самом деле сидит рядом с ними на садовой лавке, вот это было бы смешно! Впрочем, у каждого из них тоже было свое прошлое, так что еще неизвестно, кого жизнь ломала круче...

Но на Турецкого никто не обращал внимания. А между тем понемногу светлело над горами. Стали проглядываться и лица – обыкновенные, правда небритые, некоторые – испитые, а вот у того, кто сидел напротив, оно было «благородное», как заметил бы дореволюционный беллетрист. И одежда у него была хоть и потертая, но более свежая, нежели у соседей Александра Борисовича. И казалось, будто этот шестидесятилетний на вид, седой мужчина в застиранной ковбойке, накинув джинсовую куртку, вышел прогуляться с тросточкой в руке да заблудился в ночи, словно и Александр Борисович, временно потеряв ориентацию. Но взойдет солнце, и он поднимется, вежливо поклонится всем и отправится домой, к чашке утреннего кофе...

Вот подумал, и сразу заныло в животе – так кофе захотелось, даже запах его, прилетевший неизвестно откуда, вдруг затопил все вокруг, перешибив кислую вонь соседей. Турецкий, понимая, что от этого мужчины он может получить больше информации, нежели от бомжей, извинился, как бы благодаря соседей за ночное гостеприимство, и пересел на противоположную скамейку, будто бы машинально, в задумчивости, прикрыв левую щеку рукой.

– Простите, пожалуйста, вы, видимо, местный? – изысканным тоном спросил у него Турецкий.

– М-да... В некотором роде... – как-то очень уж неопределенно ответил сидящий мужчина и вежливо повернул голову к Александру Борисовичу. – Это вы ищете, я слышал, своих дальних родственников?

– Да, понимаете ли... Но я давно здесь был... До всех этих, так сказать... перемен.

– Угу... – покивал тот. – Но вы же знаете, к кому приехали? – Вопрос прозвучал учтиво, но странно.

– Да, разумеется. Надо только адрес поискать в записной книжке. Но пока темно, а очки я, кажется, оставил в поезде.

– У вас какое зрение?

– Плюс три...

– Мои не подойдут, – усмехнулся мужчина и, вздохнув, положил подбородок на руки, скрещенные на рукояти своей палочки – типичном когда-то произведении местных умельцев курортной зоны Северного Кавказа: темно-вишневого цвета, сучковатой трости из самшита, инкрустированной тонкими бронзовыми узорами.

– А вы, извините, здесь проживаете? – спросил Турецкий.

– Как видите. – Мужчина беспомощно развел руками.

– Что, вот здесь?! – не понял Турецкий. – На лавке?!

– Ну не совсем, но... вроде того. Скажем, в районе вокзала.

– А почему? Что-то случилось?

– Вы так спрашиваете, – усмехнулся мужчина, – будто работаете следователем... Наверное, случилось... только... я не помню.

Турецкий, кажется, догадался.

– Что-то связанное с амнезией?

Мужчина снова усмехнулся и, пожав плечами, промолчал.

– А как вас зовут, простите?

Он внимательно посмотрел на Александра Борисовича и, помедлив, серьезно ответил:

– Не знаю... Здесь зовут Володей... Просто Володей, понимаете? Без отчества...

«Просто Володя... – сказал себе Александр Борисович. – Это ж надо?..» Он и представить себе как-то не мог, что значило потерять себя и жить на садовой лавке... Нет, читал, конечно, слышал... Но чтоб конкретно... «Тёпло» – это он ночью сказал. Ну да, сейчас лето, но за ним придет осень... зима с ее жуткими ветрами, о которых тоже слышал Турецкий, даже суда на берег вышвыривает... Вот так живешь у Бога под боком и того не знаешь, чем твой день закончится... сном в теплой постели или полудремой на садовой лавке... Нет, пора кончать с этим делом, в бродяги, понимал Александр Борисович, он никаким образом не годился...

«А этот Володя – любопытный тип, – подумал напоследок, прежде чем залезть в свою записную книжку. – Надо бы с ним как-нибудь встретиться, поговорить... Как это так – человек забыл себя? Не может... не должно такого быть!» – решил он. И понял, что это в нем привычно заговорил следователь.

Да, выходит, никуда не уйти от самого себя... Разве что сбежать... на короткое время...

Глава первая

КРИЗИС СИСТЕМЫ

Заседание правительства Российской Федерации подходило к концу.

Особых дебатов не было, вопросы обсуждались вполне конкретные: начало очередной подготовки к зиме. Ведь зима в России, как давно известно, каждый раз сваливается на голову неожиданно. А с нынешней погодой, от которой ничего хорошего, в смысле – определенного, ждать не приходилось, ибо все предсказуемое на поверку оказывалось непредсказуемым, вполне можно было ожидать любых неприятностей.

Министр МЧС, человек остроумный и понимающий шутку, что-то быстро написал на листочке бумаги и передвинул своему соседу по столу заседаний. Тот прочитал, издал горлом звук – нечто среднее между хмыкнул и фыркнул – и, сделав вид, что закашлялся, низко опустил голову, пряча ухмылку. На бумаге было написано: «Поздняя зима никого не застала врасплох...» Слово «поздняя» было подчеркнуто два раза. Никто не обратил внимания, но всевидящий премьер услышал и, метнув пристальный взгляд «обергруппенфюрера Мюллера», сдержанно покхекал, словно предупреждая шалунов-школьников.

А слово между тем дали главному энергетiku страны – речистому, самоуверенному и определенно обожающему свою неординарную, изысканно сытую внешность. Накануне он посетил президента, проводящего свой краткий, «рабочий» отпуск в Краснодарском крае, а точнее, в Сочи, в известной резиденции «Бочаров Ручей». И небольшой, полтора минутный сюжет из этой недолгой, деловой встречи был показан по Центральному телевидению в «Новостях». Серьезные, не улыбкающие лица, выражающие сугубую ответственность за судьбу населения России.

Но таков был порядок, что после встреч с президентом каждый отчитывался на правительстве, отвечая на вопросы, может быть по какой-то причине и не заданные первым лицом страны. Конкретно же интерес причастных лиц – министров финансов, экономики, по чрезвычайным ситуациям и ряда других – касался в первую очередь такого важного для их ведомств вопроса, как внедрение новейших способов компьютерного контроля в системе диспетчеризации и управления энергоснабжением предприятий и населения городов. Имелись в виду в первую очередь те из них, где именно в зимнее время чаще всего происходили сбои, вызывающие нередко непредсказуемые и даже тяжкие последствия. А в качестве наиболее показательного примера в беседе с президентом был приведен опыт местных энергетиков, работников Новороссийской электростанции, разработавших и внедривших в настоящее время у себя собственную систему компьютерного контроля.

Почему именно на этом примере заострил внимание главный энергетик? Причин было немало. Во-первых, южнее по побережью, примерно в двухстах километрах, что для России, можно сказать, рядом, почти под боком (как, например, от Москвы до Рязани), отдыхал обычно президент, принимая там важных иностранных гостей. Но главная причина заключалась, конечно, в том, что зимы в Новороссийске бывают особенно жестоки и суровы, когда задувает свирепый норд-ост, называемый местными жителями «бора». А это случается практически каждый год, и каждый год со страхом ожидают жители приход «боры». Лютый ветер обрывает провода, валит опоры, целые городские районы по нескольку дней остаются без электричества. А ведь город – это огромный морской порт, это крупнейшее в стране цементное производство, это больницы и школы, железнодорожный вокзал и жилой сектор и прочая, и прочая, не говоря уже о районах частных домов, где люди неделями сидят при свечах и керосиновых лампах... И, ко всему прочему, это еще с советских времен знаменитые курорты – от Анапы до Геленджика!..

Ввод новой контролирующей компьютерной системы, которая как раз сейчас находилась в стадии тестирования, обещал максимально обезопасить город в случае непредвиденных аварий в электрических сетях. И даже в крайних случаях, при серьезных авариях, постоянный компьютерный контроль позволял вовремя отключать только пострадавшие объекты, а не обесточивать, как бывало прежде, весь город. То есть прямая выгода налицо.

Одного не доложил на сочинской встрече главный энергетик, – возможно, счел необязательным или излишним, чтобы занимать дорогое время президента. А суть заключалась в том, что, прослышав о тотальной компьютеризации энергосистем, многие «киты», но правильнее сказать, видимо, все-таки «акулы» делового мира, тут же сообразили, какие гигантские финансовые средства вкладывает в этот достаточно длительный процесс государство, чтобы упустить такой сверхвыгодный куш. И битва обещала быть жестокой. Но бизнес есть бизнес, его законы были суровы во все времена. Поэтому и не стал заострять на этом вопросе свое внимание главный энергетик – ни в резиденции «Бочаров Ручей», ни в московском Белом доме на Краснопресненской набережной...

Прослышав о перспективах важной инициативы, выдвинутой перед президентом и правительством страны руководством «РАО „ЕЭС“, Центральное телевидение, в раскрытие информационной темы, немедленно командировало на указанный объект в Новороссийск свою съемочную группу. Задача была поставлена, в общем, довольно стандартная: показать на примерах конкретных людей, как внедряется в жизнь и производство новая система, что ей может помочь, а что мешает.

Телевизионщики четко знали свое дело, прошлись по всем объектам, которые могли представлять чисто зрительский интерес, проинтервьюировали создателей системы компьютерного контроля, операторов на их рабочих местах и в заключение добавили единодушное мнение местных жителей, ежегодно страдавших от бесчинств проклятой «боры» и ожидавших от новой системы чуть ли не манны небесной.

Короткий документальный фильм на эту животрепещущую тему дня был внесен в сетку телевизионных передач Первого канала в качестве конкретной иллюстрации к интервью корреспондента телевидения с главным российским энергетиком, прозвучавшим в программе «Время».

В просторном, светлом помещении диспетчерского пульта управления Новороссийской электростанцией в этот достаточно уже поздний час царило оживление. Практически все сотрудники были оповещены, что сегодня, в самом конце программы «Время», будет показан сюжет, который сняли те телевизионщики из Москвы, что побывали здесь недавно. Снимали они много, их водили по всем службам, во все цеха. Потом они еще и по городу ездили. Многих расспрашивали о работе, о домашних делах, о семьях. И каждый, кто имел хоть какое-то касательство к тем съемкам, теперь был абсолютно уверен, что сегодня покажут по телевизору именно его. Эйфория, елки-палки! Люди звонили домой, предупреждали родных, даже не ведая о том, что из почти полуторачасового отснятого материала в главной редакции информационной программы телеканала будет оставлен лишь куцый, меньше чем пятиминутный, огрызок. Но даже и такой сюжет на телевидении считался большим успехом.

Но город не ведал об этом, и здесь едва ли не с утра шли разговоры о том, что их покажут сегодня всей стране. И когда часовая стрелка стала подходить к девяти вечера, возбуждение, пожалуй, достигло своего максимума.

Беда заключалась только в том, что телевизоров, как таковых, в производственных помещениях не было. Ну у начальства в кабинете, но то не в счет. Был еще один, небольшой, в подсобном помещении, где работники могли перекусить, фактически не отходя далеко от своего рабочего места. Имелся там и диванчик – для краткого отдыха, и небольшая кладовка – для инвентаря уборщиц и хранения необходимых слесарных и прочих инструментов. Вот в

ее сторону, точнее, в сторону длинного коридора, в конце которого была открыта дверь в подсобное помещение, откуда доносились голоса из работающего телевизора, и было устремлено внимание обоих дежурных. Один из них сидел у диспетчерского пульта, а второй – у монитора большого, мощного компьютера.

Когда-то, на заре создания крупнейших электростанций, эти огромные полукольца пультов управления, на которых размещались сотни, если не тысячи, различных приборов, в автоматическом режиме следящих за работой данного объекта, впечатляли чрезвычайно. Любому постороннему человеку могло показаться, что он находится внутри какого-то космического корабля, какими их живописали писатели-фантасты. Но шло время, и корабли появились, и все оказалось не совсем так, как представлялось. А вот пульта с бесконечными рядами мигающих огоньков – они остались, как и остались дежурные операторы. И у новичка по-прежнему никак не укладывалось в голове, каким образом нормальный человек может уследить сразу за всеми показаниями приборов.

Однажды одному опытному пилоту, летчику-испытателю высочайшего класса, задали этот уже ставший банальным вопрос, показывая на приборную доску в кабине его авиалайнера, напоминающую пульт управления электростанцией, ну разве что размером гораздо меньше. Тот улыбнулся и ответил, что и сам толком не знает, как у него это получается. Но, добавил он, если вдруг происходит какой-то сбой, неожиданное отклонение от нормы, от заложенной программы, то его глаз моментально, словно бы сам по себе, фиксирует это показание на соответствующем приборе – вот и все.

Тренировка, опыт, знание – можно говорить о различных составляющих особого внимания оператора, но его главным, основным инструментом по-прежнему оставался лишь один тестер – собственные глаза. Компьютер не отменил, а здорово облегчил оператору эту утомительную, рутинную работу. Более того, как бы взял на себя еще и управленческие функции.

В Новороссийске давно поняли необходимость компьютеризации, и работники электростанции сами составили для себя программу, которая теперь и проходила свое, по сути, самое главное испытание. Пока лето, можно было дорабатывать, доделывать, что-то исправлять, потому что зима уже сама с удручающим постоянством вносила собственные коррективы.

Об этом, как слышали дежурные операторы у пульта, и говорили из телевизора, стоявшего в подсобке. Доносился бодрый голос главного энергетика, и это означало, что до репортажа из Новороссийска дело еще не дошло.

Наконец, бодрый голос смолк и забубнил диктор. В дверях зала, в котором располагался диспетчерский пульт управления, появился невысокий, светловолосый, симпатичный парень лет двадцати с небольшим. На нем была такая же синяя с красными вставками и белыми буквами форма, как на всех остальных работниках электростанции. Звали его Славкой, а вот фамилию как-то не помнил никто. Славка – и Славка, послушный и простодушный, старательный парень, отслуживший в армии и недавно, меньше недели назад, устроившийся сюда на работу слесарем-механиком. На большом производстве слесарная работа всегда найдется – там открутить, здесь, наоборот, прикрутить. И на Славку никто не жаловался, он всегда оказывался под рукой в нужный момент.

Вот и сейчас он заглянул в зал – весь открытый, улыбающийся – и закричал, чтобы перекрыть шум работающих турбин:

– Дмитрий Александрович! Борис Петрович! Чего ж вы еще тут сидите? Идите скорее, там через минуту вас будут показывать по телику!

– Чего, уже, да? – живо откликнулся словно только и ожидавший этого момента Дмитрий Александрович, коротко стриженный, крупный мужчина лет тридцати, сидевший за пультом. Он поднялся, потянулся по-богатырски и, в свою очередь, крикнул напарнику, наблюдавшему за показаниями компьютера: – Во, как быстро знаменитыми-то становятся, а?.. Пошли поглядим, Боря... Спасибо, Славка! – добавил он парню и снова обернулся к Борису: – Ну?

– Ты сходи посмотри, потом расскажешь, – недовольно отозвался Борис.

– Да ты чего? – изумился Дмитрий Александрович. – Сам на себя посмотреть не хочешь? Слушай, брось ты, всего одна минута!

– Дим, ты же сам знаешь, я не имею права оставить систему без наблюдения... Ну чего мы, дети, что ли? А потом, я все равно попросил Наташку записать на кассету... Дома посмотрю... Завтра...

– Да кончай ты дурию-то маяться, – почти сердито продолжал настаивать напарник. – Ты чего думаешь? Неужели кто-то станет стучать начальству, что ты, извини, на минуту в сортир отлить вышел? – Он грубовато захохотал. – Вставай, пошли, моя сказала, что мы с тобой теперь вроде как кинозвездами станем! Весь город узнавать будет! Слава, блин, на всю округу! Случись это пораньше, нам бы пиво без очереди наливали!.. Пойдем...

Дмитрий Александрович отправился к двери, попутно легонько хлопнул Славку по спине и снова призывно махнул рукой Борису. Тот неохотно поднялся...

В подсобном помещении было тесно от набежавшего народа. К сожалению, само помещение было небольшим, поэтому и разместилось тут не более полутора десятков человек. Когда операторы подошли к группе сотрудников, не поместившихся в подсобке и глядящих из коридора в телевизор через головы стоящих впереди, задний обернулся и приветливо кивнул Дмитрию с Борисом, а Славка тут же подсказал – весело закричал:

– Граждане зрители! Дайте хоть одним глазком взглянуть на себя героям передачи!

Люди в одинаковой форме обернулись и расступились, пропуская вперед двоих дежурных операторов, а Славка, подталкивая Бориса в спину, и сам вроде бы как попытался пролезть за ними. Но его аккуратно взяла за воротник тетя Шура, совсем не старая еще уборщица в синем рабочем халате и цветастой косынке, стягивающей ее пышные черные волосы. Типичная такая казачка – крепкотелая и занозистая:

– А ты куда прешь? Ишь ты, артист! Тебя тоже, что ль, показывают? Мал еще, не мешай старшим смотреть.

И Славка послушно отступил назад, поглядев, как другие, впереди, охотно пропустили к самому телевизору двоих операторов.

– А чего, тетя Шур, наши выступали уже?

– Нет еще, – отмахнулась та, не глядя на парня. – Скоро, наверно...

– А их обоих покажут, да? Ну тетя Шур! – словно маленький, заныл Славка.

– Да хрен их знает, этих телевизионщиков! – резко бросила женщина. – Славка, помолчи! И вообще, отвали, смотреть мешаешь!.. – И она зачарованно уставилась на экран.

Славка отступил назад, огляделся, потом, вытянувшись на цыпочки, посмотрел, где устроились операторы, и отошел дальше. Несколько секунд понаблюдав за зрителями, а затем легкой и бесшумной пробежкой вдоль стены коридора вернулся к залу, где размещался пульт управления. Сюда хорошо доносился голос диктора – там звук усилили:

– ...Каждую зиму в Новороссийске, как уже давно известно, дует суровый норд-ост, который в народе окрестили... – Голос звучал грозно и значительно, будто сам диктор этот норд-ост и производил. Славка хмыкнул, садясь за пульт управления электростанцией. А диктор продолжал: – Целые районы города и его окрестностей нередко остаются без электричества на несколько дней... а иногда и недель...

Славка снова хмыкнул, на этот раз презрительно – по отношению к телевизионному журналисту, произносящему эту тухлую банальщину, с которой уже сто лет, наверное, начинаются все передачи про Новороссийск, уж Славка-то наслушался. Болтают одно и то же, и ничего нового...

– ...А между тем ситуация с энергоснабжением давно вызывала беспокойство властей и жителей города...

– Ага, – пробормотал Славка, отстраняясь от пульта и быстро перебегая на место второго оператора – к компьютеру, – еще как беспокоит!..

А тележурналист продолжал свой репортаж:

– ...«Компьютерная система диспетчеризации и управления энергоснабжением» – так официально называется то ноу-хау, иначе говоря, та научно-техническая новинка, которую тестируют сейчас новороссийские энергетики... Именно она, как утверждают в городе, избавит его жителей от вынужденной необходимости жить при свечах. И это – в двадцать первом веке от Рождества Христова! – с пафосом произнес он.

– Двадцать первый век... – улыбаясь, повторил Славка, а пальцы его быстро и уверенно бегали по клавиатуре.

– ...Даже если суровый северный ветер норд-ост... – продолжал изрекать телевизор.

– Ишь ты! Даже если суровый!.. Он же – северный!.. – уже откровенно издевался над ним Славка, не отрывая глаз от экрана монитора. – Он же ветер!.. У-ух, как страшно, аж жуть!..

– ...будет обрывать электрические провода, – продолжал гнуть свое тележурналист, – все равно без света останутся один, максимум два дома, а не целый район... И устранить неполадки будет гораздо легче!

– Ну просто очень легко!.. – продолжал издеваться над ним Славка, не отрываясь от своей работы и одновременно прислушиваясь к тому, о чем шла речь в другом конце коридора.

– ...А сейчас я хочу передать микрофон одному из тех, кто сегодня внедряет в жизнь эту систему, старшему дежурному оператору Столешникову Дмитрию Александровичу... Прошу вас, Дмитрий Александрович, расскажите нашим телезрителям о вашей новинке...

– Тут, можно сказать, система такая... – начал говорить низким, неестественным голосом дежурный оператор. – Смысл в том, понимаешь ли, что компьютер контролирует все подстанции.

– Если можно, поподробнее, – бойко вклинился телевизионщик.

– Ну Митя! – послышались дружные голоса зрителей из подсобки. – Ну ты даешь!..

– Не, ребят, гляньте, каков, а?

– Все, Митька, пропал! От девок отбою не будет! Слава – на весь город!

– Ну, блин, прямо кинозвезда!

– Наконец-то!..

– Поэтому если произошел на линии где-то разрыв, – пробился через возгласы слушателей натруженный бас Дмитрия Александровича, – наш компьютер немедленно, понимаешь ли, дает команду другим участкам и замыкает цепь. Авария локализуется сразу же...

– Ну Дима, ну, блин, академик!..

Славка на миг оторвал пристальный взгляд от экрана, словно наострил слух, и, хитро, но тихо засмеявшись, заметил:

– А вот это мы, дядь Мить, понимаешь ли, еще посмотрим...

Он нажал клавишу, чуть откинувшись в кресле, и уставился на экран с ожиданием. Через несколько секунд на мониторе появился текст: «До активизации программы осталось 59 минут 57 секунд».

Славка быстро и уверенно пробежал пальцами по клавиатуре, и текст исчез. А на экране монитора снова появились диаграммы и таблицы, которые были на нем до того, как в программу работы электростанции вмешался обычный слесарь-механик Славка Найденов, решительно ничем не примечательный парень двадцати трех лет от роду, известный разве что в своем достаточно узком кругу молодых парней, увлекающихся компьютерными играми, как Доктор Си. Вот такой у Славки был странный ник, понимаешь ли, говоря присказкой дяди Мити Столешникова, который ни сном ни духом, разумеется, не догадывался о том, что слесаренок, недавно принятый на работу, вообще что-то сечет в компьютерных делах.

Из подсобки донесся очередной взрыв восторга:

– Борька! А чего тебе-то не дали слова? Ты ж не последняя спица!.. Автор программы, а они...

– Ну, блин, вырезали! Таскались тут, записывали, а ни фиги не оставили!

– Да ну их всех к такой...

– Эй! Кончайте там выражаться! – Это тетя Шура умирала расхोдившихся зрителей. – Еще не все, дайте доглядеть!..

– Да не-е... – уныло протянул Славка, снова оказавшийся за спиной тети Шуры и пытавшийся, поднимаясь на цыпочки и невольно прижимаясь к ее широкоплечей и еще более широкозадой фигуре, чтобы разглядеть, что творится на экране. – Раз сразу не показали, значит, наверно, отрезали...

– Больно понимаешь! – огрызнулась тетя Шура, оглядываясь. – Слышь, ну чего ты возле меня все трешься, Славк? Аль молодки надоели? – Она хихикнула и легонько толкнула его задом. – Отвали, смотреть мешаешь!.. Эй, Славк, – она игриво ткнула его локтем в живот, – а это еще что за хмырь такой?

– Где? – Он опять поднялся на цыпочки и снова ненарочно прижался к ее спине, стараясь хоть так компенсировать свой невысокий рост. И тетя Шура хмыкнула, задом-то повела из стороны в сторону, но не отстранилась. «Вот ведь какая стерва», – мелькнуло у Славки. – Не знаю, тетя Шур, – сказал он.

Но диктор уже сам подсказал:

– А сейчас мы спросим главу крупнейшей московской компании, специализирующейся по «Ай-Ти» и компьютерам, Григория Алексеевича Переверзина. Он, кстати, сам уроженец города Новороссийска и очень болеет за родной город... Григорий Алексеевич, наши телезрители хотели бы услышать и ваше мнение по поводу тех животрепещущих проблем, которые мы постарались осветить в своем репортаже.

– Я целиком и полностью согласен с такой острой, а главное, своевременной постановкой вопроса в нашем правительстве. Я считаю, что перевод энергетики под компьютерный контроль станет переломным моментом в жизни и моего родного города. Со своей стороны хочу сказать следующее. Во-первых, я считаю...

Но его уже слушать никто не стал, народ зашумел и начал расходиться по своим рабочим местам. И первым устремился к выходу Борис Петрович Платонов, так и не увидевший на экране своего выступления, о чем сильно жалел, потому что уже успел растрепаться жене и соседям о своем триумфе. Как же, само Центральное телевидение! Вечно у них через это самое... Хоть физиономию показали, и на том спасибо...

Он уселся в свое вращающееся кресло и «спросил» компьютер, все ли в порядке, нет ли посторонних помех? Компьютер «ответил», что постороннего вмешательства в заданную программу не было...

В отличие от работников электростанции, которым был совершенно неинтересен или, грубо говоря, по фигу какой-то там Переверзин, высокий, худой человек, которого звали куратором, прекрасно осведомленный о телевизионном репортаже, завершавшем программу «Время», очень внимательно просмотрел ее от начала до конца и даже записал на лазерный диск.

С давних пор он усвоил непреложную истину о том, что даже самые слабые чернила всегда оказываются лучше самой твердой памяти. И хотя на собственную память он никогда не жаловался, однако постоянно помнил, что документальная фиксация факта – важное и необходимое условие его работы. А кроме того, у него при прослушивании передачи появилось ощущение чего-то очень знакомого. Слуховая какая-то ассоциация, но в связи с чем – вот об этом следовало поразмышлять.

Это «знакомое» прозвучало в конце передачи, и куратор стал раз за разом прослушивать хвастливый текст, произносимый каким-то московским бизнесменом, совершенно неизвест-

ным ему, где тот излагал собственные соображения о внедрении в энергетику компьютерных программ, разработанных на его фирме, пользующейся, оказывается, непререкаемым авторитетом и поддержкой правительства.

И вдруг осенило! Неожиданно подсказала фраза: «Я считаю...» Многократно повторенная в других телефонных разговорах куратора с заказчиком, она теперь выдала того полностью, хотя этот господин Переверзин старался тщательно сохранять свое инкогнито. Так вот кто ты таков, голубчик?! Вот зачем тебе понадобился «Конец света»? Ну конечно, теперь-то уж все встало на свои места. И жуткий, страшный Карабас-Барабас на поверку оказался обыкновенным беззастенчивым дельцом-фирмачом, самоуверенным и, естественно, наглым – без этих качеств в России бизнес и не существует, – готовым пойти в конкурентной борьбе на крайние меры... Да, это так, но он платит деньги, значит, и заказывает музыку. А ты можешь не плясать под его дудку и не слушать идиотской музыки... если сам заранее не подписался. Ну а если уж подписался, то придется, видимо, доигрывать расписанную для тебя партию до конца. Чего бы тебе это ни стоило...

Странное оставалось ощущение: этот Переверзин выглядел вполне респектабельным, современным дельцом, никого не пугал, не угрожал никому, говорил в принципе правильные слова. Ну одеяло тянул на себя, так это ж и есть бизнес.

Куратор еще раз прослушал запись последнего своего телефонного разговора с заказчиком, а потом его же выступление по телевидению. Совпадало. Впрочем, всегда можно провести соответствующую криминалистическую экспертизу – для окончательной уверенности...

«А вот теперь, – с усмешкой, не предвещавшей заказчику ничего хорошего, подумал куратор, – вы сами, Григорий Алексеевич, у меня в руках. И вы уже никуда не скроетесь... Никаким лопушком свою голую задницу не прикроете!»

Ах какую высокую цену теперь приобретали записи телефонных переговоров куратора с заказчиком! Несмотря на то что Переверзин всякий раз тщательно пытался завуалировать нейтральными фразами свой «живоглотский интерес». Очень удачная мысль была – записать телепередачу.

Однако почему-то совершенно не «телится» исполнитель, этот «Белый паук»... У него ведь остается все меньше времени до контрольного срока – всего два дня. А много ли за них сделаешь, особенно если ты находишься где-то в Скандинавии?..

Эти сведения, кстати, которые куратор сообщил заказчику, не были им выдуманы. Уайта Спайдера безуспешно в течение почти восьми лет ловили и британская полиция, и швейцарская, и многие другие. Но все секретные полицейские сведения, так или иначе, оказывались во Всемирной паутине. Хакеры ведь народ особый, им поржать над властями – одно наслаждение. Вот среди них, охотно обменивающихся секретами Полишинеля всех заинтересованных полиций мира, и узнавал куратор последние новости о новых местах пребывания «Белого паука» – им-то уж можно было доверять.

Впрочем, и ждать уже оставалось недолго...

И едва куратор подумал об этом, как экран его монитора погас, еще короткое время тускло отсвечивая, пока не стал совсем черным, как темнота, сгустившаяся в комнате.

Еще не веря себе, куратор поднялся и медленно подошел к плотной шторе, занавешивающей окно. Отдернул ее и... ничего не увидел. За окном была все та же густая, непролазная чернота. «Неужели свершилось? – подумал он еще робко. – И действительно наступил конец света?»

На улице не было видно ни огонька. А здесь, в комнате, настенные, круглые часы, цифры и стрелки которых были покрыты светящимся составом, показывали 23 часа 42 минуты.

Мелодия мобильного заставила куратора вернуться к столу и попытаться по звуку найти трубку. Нашел, включил. Услышал:

– Диктую номер банковского счета. – И «паук» начал размеренно диктовать ряд цифр.

– Э-э-э... послушайте, – спохватился куратор, – одну минуту! Я должен включить фонарик, темно, не вижу!

– Включайте, я жду ровно пятнадцать секунд.

– Нашел, диктуйте. – Куратор включил фонарик и взял карандаш. Записал все сказанное «пауком». Услышал:

– Повторите!

И послушно прочитал набор цифр и название банка в Германии.

– Я хотел бы спросить... – сказал куратор, но в ответ раздались короткие гудки – Уайт Спайдер был верен себе.

Что он хотел спросить, куратор еще и сам не придумал, но ему нужно было задержать «паука» на связи, чтобы попытаться засечь его местонахождение, но подвела дисциплинированность: прежде всего дело – в данном случае окончательный расчет.

А когда опомнился, понял, что чуть было не сотворил глупость. Осторожный «паук» с ходу бы все просек! Да он и так прекрасно понимает ситуацию, оттого и осторожен... А между прочим, как бы он, куратор, действовал сейчас, каким образом пытался бы засечь своего абонента, когда света нет во всем городе? И неизвестно, когда теперь заработает компьютер... Да и поздно уже подключать аккумуляторы: «паук» свалил...

Ну лихач! Ну артист! Действительно Уайт Спайдер, его ни в какую лупу не разглядишь...

Но теперь надо было ждать, когда на связь выйдет сам заказчик, чтобы передать тому номер счета, на который следовало перевести вторую половину гонорара, ведь операция «Конец света» состоялась-таки. Правда, снова возникли сомнения: а вдруг заказчик откажется от своих обещаний? Ведь в этом случае он будет просто уже обязан решить окончательно и радикально тот самый вопрос, который мучил весь день куратора. А это, в свою очередь, означало, что надо быть готовым буквально к любой неожиданности!..

«Вот же времена настали...» – тяжело вздохнул куратор и выключил фонарик – в темноте ему лучше думалось...

Глава вторая

ПОЕЗД НА ЮГ

После того как Турецкий пропал и Меркулов всех своих близких товарищей поднял на ноги, оперуполномоченный МУРа майор милиции Петр Щеткин, опросивший не одну бригаду поездов южного направления, сумел-таки зацепиться наконец за конкретный факт. По рассказу одной из официанток вагона-ресторана, некий пассажир, определенно похожий на того, который был предъявлен ей на фотографии для опознания, сошел поздно ночью с поезда Москва – Новороссийск на перегоне где-то вскоре после станции Павловская, в районе станицы Новорлянской, за полсотни верст до Тихорецка. И обстоятельства его ухода были ей неприятны.

Сидел себе приличный мужчина за столиком, ну невеселый, правда, такие у них в ресторане бывают. Сидел, начиная с вечера, с молодым человеком, с которым был определенно знаком, потому что разговор у них был явно дружеский. Приняли много, три раза повторяли заказ, а вот с закуской у них было слабовато. Но не то чтобы опьянели, а все же было заметно. Не ссорились, не шумели. Потом, она и не заметила как, молодой человек ушел. А второй, вот этот, что на фотике, серьезный такой, заснул. Положил голову на руки – и все. Официантка и решила не будить, все равно скоро закрываться, лишние пятнадцать минут ничего не добавят.

Но тут кто-то сорвал тормоз. Состав резко дернуло, неубранная еще посуда со столов полетела на пол. Официантка закричала, мужчина проснулся. Она выскочила в тамбур поглядеть, что случилось, а там, у насыпи, колготилась ремонтная бригада. И ничего необычного видно не было. Значит, просто чье-то хулиганство. Поняла, что ничего страшного не случилось, вернулась и попросила последнего оставшегося посетителя расплатиться. А он, словно спросонья, спросил про какого-то Олега, что ли, потом полез в карман и вдруг закричал: «Обокрали! Воры!» А затем выбежал в тамбур и спрыгнул на насыпь, не обращая внимания на то, что поезд уже тронулся. Вот и все, что она могла рассказать.

Добавила, что таким вот образом от нее еще ни разу не убежали пассажиры, не желавшие расплачиваться за ужин. Обидно очень, потому что пришлось платить из своих, а оказалось немало – эти двое почти на пятьсот рублей выпили, проходимцы проклятые...

Щеткин постарался успокоить женщину, пообещав, что, как только они, то есть милиция, найдут этого человека, тот непременно вернет ей эти деньги. Причем с благодарностью и извинениями, потому что тот, кого они разыскивают, честный человек, и, наверное, с ним действительно случилось несчастье. Официантка безразлично пожала плечами, видно, она давно уже разуверилась в ментовских рассказах и обещаниях.

Словом, Антону Плетневу, которому Петр рассказал об этом случае, стало понятно, что на самом деле случилось с Александром Борисовичем Турецким. Подпоили, скорее всего, и увели бумажник со всеми деньгами и документами. Стандартная железнодорожная история, удобная, кстати, как «легенда», если ты желаешь скрыться от разыскивающих тебя. Банально, но от этого не легче. И где теперь и, главное, как искать человека без документов, пропавшего на каком-то неизвестном перегоне в кубанских степях, да еще поздно ночью?..

После мордобоя, который попытался учинить еще в Москве жутко ревнивый, да к тому же еще и вусмерть пьяный Турецкий, Антон Плетнев просто обязан был найти его и объясниться начистоту. За собой он никакой прямой вины не чувствовал, хотя, честно признаваясь себе, мог сказать, что мотив у Александра Борисовича все же имелся. Не мог же он не замечать, какими глазами Антон смотрел на его супругу! А что подделаешь, если она живо напоминала Плетневу его Инну, убитую насильниками?! Ведь похожи как две капли воды... Потому небось и Васька так к ней тянется, будто к матери...

Ирина Генриховна была, разумеется, в полнейшем расстройстве, ибо тоже понимала, что в чем-то все-таки ее Шурик прав, несмотря на то что считала ревность мужа смешной, по большому счету несправедливой и неприличной.

Но самое неприятное заключалось в том, что Меркулов, откровенно не одобряя поведения Александра Борисовича, швырнувшего своим уходом им всем в лицо свое гордое презрение, тем не менее полагал, что такой его шаг, точнее говоря, его ревность была отчасти справедливой. И в этом виноваты именно они – Ирина, подзабывшая о своем супружеском долге, и Антон – о мужской чести. И вот это уж он зря! Но... с Константином Дмитриевичем не поспоришь...

Тем более надо было найти Турецкого, чтобы расставить раз и навсегда все точки и доказать ревнивцу, что у него не было никакого повода для обиды и оскорблений людей, которые относятся к нему истинно по-дружески. Переживали, когда он лежал в госпитале, ну и вообще... Что «вообще», это уже частности, о них – потом...

А еще Антону стало в последнее время почему-то казаться, что, как только он сам окажется на удаленном расстоянии от Ирины Генриховны, его – куда денешься! – тайные и нежные чувства к ней малость поутихнут. А там, может быть, и вовсе сойдут на нет, превратившись в обычные приятельские, рабочие отношения людей, занятых параллельными делами в той же «Глории». Частные расследования, розыск преступников, психология и криминалистика – да мало ли тем, на которых могут в конечном счете сходиться их профессиональные интересы?! И конечно же ни о какой любовной связи, о чем уверенно заявлял Турецкий, размахивая кулаками, здесь и близко не было. Да и не могло быть...

Но чтобы объяснить, надо найти человека. А кричать в пустоту «я не виноват!» – по меньшей мере, глупо.

Поиски, которые предпринял Плетнев в станице Новоорлянской, подсказали ему продолжение пути Турецкого: тот отправился в Новороссийск. И теперь очередной неторопливый, пассажирский поезд тащил Плетнева к этому южному городу-порту. А в кармане у Антона лежал бумажник с документами Турецкого, который нашли провожавшие Плетнева казаки в хате обокравшего Александра Борисовича в поезде местного уголовника. Так что хоть какая-то польза от поездки Антона уже была.

Свободное боковое место Плетневу указала раздраженная проводница почти в самом конце плацкартного вагона, напротив оказавшейся неожиданно словоохотливой и лукаво улыбающейся молодой женщины, устроившейся на соседней, нижней полке со своими многочисленными клетчатými, «челночными» баулами. Узнав, что он едет в Новороссийск впервые, она немедленно принялась посвящать его в суть вещей.

По ее словам, Новороссийск ожидало головокружительное будущее. Еще бы, после всех разделов и переделов это остался теперь единственный, по сути, в России черноморский порт стратегического значения! Но как раз в данном случае Плетневу было с высокого потолка наплевать на стратегические планы государства, по циркулировавшим в городе слухам собиравшегося в скором времени сосредоточить именно здесь весь Черноморский военный флот, якобы выводимый из Севастополя. Его пока беспокоил другой вопрос: где устроиться на ночь, чтобы с утра начать поиск? И с чего его начать – с прокуратуры или милиции? А «высокая политика», взволнованно звучавшая в устах этой симпатичной, крепкотелой и крутобедрой, как большинство молодых казачек, девахи, которой бы детишек рожать, а не мотаться по поездкам с тяжеленными сумками, казалась Антону очередным абсурдом, который так заметно отличает Россию от других, нормальных государств.

И еще он с трудом отводил глаза от шикарных, темно-каштановых волос попутчицы, завязанных в тяжелый узел на затылке и свисавших не модным почему-то нынче «конским хвостом». А глаза отводил по той причине, что прямо наяву чувствовал в ладонях зуд – схва-

тить бы, развязать его, расшвырять в стороны и окунуться лицом в это сумасшедшее счастье!.. Ух, как бы он!..

Чушь все это, конечно... У Инки, в самом начале их жизни, были такие... А потом она зачем-то обкорнала их – по моде, что ли, глупая... Когда это было? Да никогда этого уже не было, незачем и душу травить... Но вот ведь как везет, черт возьми! Куда ни глянь, всюду напоминания, от которых действительно тошно...

Стараясь не выдавать своих смятенных мыслей, Антон делал вид, что внимательно слушает «прогнозы» своей попутчицы, а сам думал, зачем ей все это нужно. В смысле, он ей зачем? Отмел с ходу чисто бабские варианты, не в той он форме нынче, чтобы нравиться симпатичным женщинам, даже таким вот «челночницам», как эта ядреная, кубанская казачка.

«А впрочем, почему?» – задал он себе вполне резонный вопрос, и простой ответ привел к ясности. Действительно, все очень просто. Одной ей, этой «барышне», свои сумки явно не осилить, а спутников и помощников Антон рядом с ней не видел. Старушка с узелком, пожилая тетка с ребенком да молоденький парнишка в армейском камуфляже, видать, перво-годовал, который только появлялся на минуту, что-то доставал из своего чемоданчика и снова исчезал, похоже, в соседнем вагоне. Но это точно не ее спутники. Да и если б они здесь были, она вряд ли стала бы так откровенно навязывать свое общество постороннему человеку. А раз это так, продолжал Антон тянуть свою логическую цепь, то ее общительность имеет вполне конкретную цель. Здоровый, сильный мужик с сумкой через плечо – вот и весь его багаж, и едет туда же, куда она. Неизвестно зачем. Он не стал раскрывать своей цели, отделался тем, что неопределенно пожал плечами – понимай, мол, как хочешь. Может, таинственность заинтересовала? Сама представилась Зоей, пришлось и ему, из вежливости, назваться. Наверное, отсюда и сделала вывод, что его можно использовать в качестве носильщика – одной-то с такой грудой сумок не справиться! К тому же и поезд придет в город поздней ночью. Ну а какой нормальный, так сказать, мужчина откажется помочь красивой, молодой женщине в ее дорожных затруднениях?!

А чтобы он согласился уже наверняка, его надо подготовить, заманить в свои женские силки, разговорить, уболтать, а то и маленько приголубить, ну пообещать чего. И это тоже не исключено, потому что, когда Антон выходил в ближний тамбур покурить, она тут же увязывалась за ним. Охотно брала предложенную сигарету, со значением покачивала головой – дорогие, столичные! – терпеливо ждала огонька и докуривала не раньше, чем он выщелкивал свой бычок, открывая дверь перехода в соседний вагон. И возвращалась вместе с ним, идя впереди и кокетливо покачивая очень даже спелыми своими ягодицами, обтянутыми расчетливо узковатыми, спортивными шароварами с лейблом «адидаас». Наивное такое кокетство, действующее на... А, собственно, на что? Вернее, на кого? На «кавказского, гордого человека», да? У которого глаза навывкате и только что не вываливаются из глазниц перезревшими сливами? Или конкретно на него, вот такого, одинокого и, возможно, неприкаянного мужика, едущего вроде и без всякой цели? Женские глаза точнее любого ватерпаса определяют то положение, в котором находится интересующий их объект, и легко ответят на вопрос: стоит ли за него браться? И возможно ли, если удастся заарканить, скажем, в хозяйстве его приспособить, не говоря о других, куда более важных, женских нуждах? В общем, старалась женщина, рассказывая про свой город, в котором родилась и живет до сих пор, перебиваясь давно осточертевшей ей «челночной» работой, поставляя товар для местного вещевого рынка. При этом она делала большие глаза, в которых так и плескалась неумная женская печаль, приглашавшая приезжего к сочувствию.

За окнами давно уже стало темно, и вагон освещался тусклыми лампами. В этом полусвете-полутьме неспешный, немного грустный разговор, в сущности ни о чем и обо всем, как-то невольно сближал их. О чем говорили? Да в принципе ни о чем новом. О необходимости постоянного собственного круговращения, чтобы не просто выжить, а обеспечить себя хотя

бы малой прибылью, об опасной, ежедневно напоминающей о себе, близости «горячих точек», о нелегком и совсем не праздничном, как раньше в кино показывали, личном хозяйстве, требующем приложения старательных мужских рук, о детях, которых рождается все меньше, и о многом другом, что и составляет обыкновенную, не столичную, российскую жизнь. Негромко разговаривали и без пошлых намеков. Типичная вагонная беседа – и необязательная, и крайне порой необходимая, чтобы облегчить душу перед человеком, которого больше все равно никогда не увидишь.

И вот, наконец, впереди и с правой стороны небо стало заметно светлеть, там словно разливалась заря. Зоя, вздохнув и пристально глядя на Антона, сказала, что они подъезжают к Новороссийску. До полной остановки оставалось теперь меньше часа.

Плетнев решил перекурить в последний раз и поднялся, закинув свою сумку на плечо – какая там тяжесть! – пара рубашек, смена белья да электробритва, вот и весь багаж. Встала и Зоя, показывая, что тоже хочет сделать затяжку-другую. Они вышли в тамбур и закурили. Она в полутьме, видел Антон, улыбалась чему-то своему, а он поглядывал в окно, не мытое, вероятно, с прошлого века. И вдруг они уставились друг на друга, будто сообразили, что уже не могут просто так, какой-нибудь дежурной фразой закончить навсегда свой долгий вагонный разговор.

Плетнев прямо-таки физически ощутил, как ему на плечи наваливается невидимый груз неясности, недосказанности, который был ему сейчас совершенно не нужен, это – с одной стороны, а с другой – он, пожалуй, не смог бы уже и уйти, не сказав Зое добрых слов, вроде как бы на прощание, на память, что ли.

А может, все-таки предложить ей помощь? Она, похоже, искренний человек, уж сколько поводов было у нее попросить его помочь, но ведь не просит, видно, не хочет, а потом, балда такая, станет одна мучиться...

И только подумал об этом, как над ними погасла лампа, а следом, спустя какие-то секунды, миг исчезло и зарево за окном, и сплошная черная тушь залила все вокруг них. Вагон резко дернулся, словно запнулся, Зою, в буквальном смысле, швырнуло к нему на грудь, и он машинально обхватил ее руками и прижал к себе, а она вскрикнула, дернулась, словно попыталась вырваться из его рук, но испуганно замерла, затаив дыхание. А поезд между тем продолжал двигаться и дергаться, будто никак не мог затормозить, и делал это странными, резкими рывками, сопровождавшимися громкими стуками, скрипом и визгом колес.

– Господи, что это?.. – испуганно прошептала она, прижимаясь еще плотнее.

– Да черт его знает, – пробормотал он. – Ты погляди в окно-то!.. Нигде ни огонька!.. И зарево, смотри, исчезает... Ну прямо конец света...

Зарево, повисшее над недалеким уже городом, сейчас словно рвалось на куски, которые, поочередно отваливаясь от общей массы света, исчезали во тьме. Картина была поистине апокалипсическая, потому что выглядела сверхъестественно, и никто ничего не мог понять.

– Страх-то какой, боже... – снова прошептала она, но собственно страха уже в ее шепоте Антон не услышал.

А вот руки свои, прижатые к его груди, Зоя как-то ловко раздвинула и скользнула ладошками ему под мышки и дальше, за спину, где и вцепилась в лопатки острыми коготками. Ишь кошечка какая, говорит – боится, а себя не забывает.

– Пойдем-ка лучше в вагон... – предложил Антон.

Он, одной рукой по-прежнему прижимая женщину к себе, другой достал из кармана зажигалку и высек огонек. Неподвижный язычок пламени очень странно выглядел в крошечной тьме. Будто огонек лампадки, которую зажигают перед иконами в старых избах. У себя в деревне, у соседских бабок, видел Антон. Хотя что он мог видеть – пил ведь тогда по-черному...

Из вагона донесся шум голосов. Кто-то громко возмущался. Потом закричали женщины. Заголосил ребенок, но постепенно все стало стихать.

– А может, подождем? – уже вовсе без робости спросила она и потерлась носом и подбородком о его грудь. – Мы ж еще много не доехали...

– То-то и оно, а как твои вещи? Без хозяйки-то?

– Да есть там кому присмотреть, – простодушно созналась она, и это удивило Антона: как же это он? Разведчик называется...

– Ну и чего ты надумала? – с усмешкой спросил он, отвлекаясь от мыслей о том, что могло произойти и почему такая темнота кругом? Мелькнуло, правда, соображение, что где-то впереди, возможно, случилась авария. Починят, конечно, но подождать придется. А ему теперь, в общем-то, и разницы никакой, некуда бежать.

– Ты не бойся, Антоша, муж не застучает, нет его у меня, а вот ты мне нравишься, очень даже... Простой ты... Как я сама... Ты ведь, вижу, не торопишься, да? Вот и мне тоже спешить некуда...

– Ну а если я, например, женат? – сам не зная почему, спросил он и поднес огонек зажигалки ближе, осветив ее и свое лицо.

Глаза у Зои загадочно блеснули.

– Будет врать, Антоша, – сказала, как отмахнулась. – Ни кольца у тебя на левой руке, ни наглости в глазах, как у командировочного возле сладенького... Да и непохож ты на женатого мужика.

– Это ж почему? – Он улыбнулся.

– А потому что другой ты, искренний... И жизнь тебя, видать, крепко помяла.

Так его еще никто не определял. А она, решив, вероятно, что сказанного вполне достаточно, поехала ладонями по его телу вниз.

– А если вдруг выйдет кто? – продолжая уже напряженно улыбаться, спросил он.

– А выход, между прочим, с той стороны! – резонно возразила она, и расширенные глаза ее прямо-таки вспыхнули в свете огонька зажигалки. – Да убери ты ее! Убери скорей... – горячо зашептала она, шаря по его напряженным, будто скованным, мышцам живота и тщетно пытаясь ухватиться за них. – Ну ты силен! – прошептала с восторгом.

Это ж надо! И когда успела под рубашку забраться?! Даже под майку!

– А ты – хулига-анка! – Кажется, и он начинал терять самообладание. – Ох и рисковая девочка...

– Уж какая есть... – с придыханием, быстро ответила она, торопливо нащупывая «молнию» на его брюках...

Антон охватило таким неодолимым желанием, что он, уже не отдавая отчета в своих действиях, сунул зажигалку в карман, а затем сграбастал обеими руками ее волосы, запрокинул ей голову и жадно впился в губы совершенно сумасшедшим поцелуем – Зоя глухо охнула, обхватила руками его шею, безвольно повиснув на нем. Его пальцы ринулись вниз, под резинку ее спортивного костюма, и рывком сдернули и шаровары, и все, что под ними было. Женщина резко крутнулась в его руках, изогнулась. Он рывком оторвал ее от пола, после чего их соединение, больше похожее на короткую и яростную борьбу, стало таким мучительно-сладким, тягучим и таким громким, что их же собственные уши спас совсем уже пронзительный визг тормозных колодок, а также грохот и лязг вагонных буферов останавливающегося наконец поезда...

Достаточно долгое время, просто в силу своего характера, Антон Плетнев вынужден был, так уж получилось, обходиться без женщины. Но, оставаясь вполне полноценным мужчиной, правда, старательно «успокоенным добрыми докторами» в психиатрической больнице, влечения к женскому полу не потерял. Дальнейшие события, уже на воле, складывались тоже не в его пользу, так что говорить о каких-то любовных связях, пусть даже ради элементарного сохранения психического и физического здоровья, не приходилось. Он бы, наверное, и теперь не решился воспользоваться минутной, как он думал, слабостью женщины по причине чрез-

вычайных обстоятельств, в которых оказались оба. Однако нахлынуло некое помутнение, да и Зоя проявила такую поразившую его активность, что все собственные запреты Антона рухнули куда-то, обнажив лишь жаркую жажду обладания этой ставшей вдруг почти родной ему женщиной.

«Черт знает что...» – задыхаясь, мысленно шептал он, встряхивая головой, а вслух вырывалось:

– Господи, милая... какая ты... это ж невозможно...

А она, будто с невероятными усилиями изгибаясь в железном кольце его рук, ухватившись за прутья на окне наружной двери, стонала и дрыгала ногами, еще больше взвинчивая и себя и его. И когда мир обрушился на миг в их сознании, они оба замерли, испугавшись собственного шума. Ах, если бы они могли увидеть лица друг друга!.. Но почти ослепшие глаза утыкались в слабо светившееся окно двери, ведущей в их вагон: там, наверное, зажгли свечку или керосиновую лампу. И вот это единственное, зримое пятно, которое совершенно не давало света, заставило их спешно начать приводить себя в порядок.

Минута, не больше, и они, уже полностью одетые и застегнутые, до боли стиснули губы в поцелуе, словно прикипев друг к другу. Плетнев ногой нащупал свою упавшую на пол сумку, пригнулся и поднял.

– Ну, скажу тебе, мой желанный, – пытаюсь отдышаться, с трудом произнесла Зоя, повисая на его плечах, – наградишь ты меня... я так думаю... сразу тройней... Давно, что ль, у бабы не был?.. – Она тихонько хохотнула.

– Да ну, скажешь... – выдохнул он в ответ.

– А заметно, – выдохнула наконец она. – Даже жалко, что у нас с тобой, Антошенька, так случилось, с тобой бы, да на всю ночь... О-о-ой, молодец како-ой... – тоненько будто пропела она.

Антон нашарил зажигалку, достал ее, чиркнул и поднес к ее лицу – оно показалось ему изумительно красивым. Даже глазам не поверил.

– Ох, какая ты!.. А как же это мы... чуть с ума не сошли?..

– Так это ведь кто не сошел, а кто и... того, мой хороший... – Она погладила ладонями его щеки. – Слушай, подари зажигалку, а? На память. И хоть свет какой. От тебя... Жалко, что ль?.. Ну да, ты куришь, тебе нужней.

– Вопросов нет, на, возьми, у меня, по-моему, еще есть.

Она взяла зажигалку, высекла огонек, пристально посмотрела на него, потом осветила лицо Антона и сказала:

– Славный ты мужик... Ладно, пойду. А ты теперь не ходи за мной. Иди в передние вагоны.

– Ты чего-то боишься?

– Не боюсь, но мало ли?.. Скажу, мы с тобой были в том вагоне. – Она кивнула на соседнюю дверь. – Узнавали, чего и как... Нам-то теперь тут ночевать, так думаю... С барахлом до города не добраться... А ты, если торопишься, можешь вперед, по путям пройти, а потом спустись с насыпи, там недалеко увидишь шоссе из Цемдолины в город, транспорт бежит.

– Но, может, я тебе все-таки помогу, а?

– А как? Да и не одна я. Через купе еще соседки. И в следующем вагоне наши... Одной-то нельзя: отнимут, ограбят, сам понимаешь небось...

У Плетнева никак не укладывалось в голове, что после всего случившегося можно вот так запросто разбежаться. Но, похоже, Зоя именно об этом и думала. Что ж, видно, так тому и быть.

– Что ж, тогда, может, пойду и я? – нерешительно заговорил он. – Не знаю, что и сказать...

– А ничего не говори, милый... Может, и не увидимся, а может... Если хочешь, адресок запомни. Спортивная, восемь. Зоя Лупий, я, значит. Это на северной стороне. С матерью живу,

брат есть, в школе учится. Еще женишок бегают, но тебе – не соперник. Ну дай-ка еще разок – на прощанье...

Она мягко, даже бережно, поцеловала его, а он будто ждал еще чего-то и не успел ответить на поцелуй. Она отстранилась, помолчала, провела ладонью по его груди и ушла в вагон. Антон поглядел ей вслед и открыл дверь для перехода в соседний вагон...

– Где ходила-то? – сразу напустилась на Зою соседка-«челночница».

– А там, – Зоя небрежно ткнула себе за спину большим пальцем, – выясняли, чего случилось. – Она устало села на то место, где сидел Антон, и прикрыла горящие губы ладонью.

– Все кинула, а я, значит, приглядывай?

– А я за твоими шмотками, выходит, не смотрела? – сварливо вскинулась Зоя, не глядя на нее.

– Да я не к тому... Ну и чего узнала-то? – не отставала соседка.

– Энергию вырубили.

– Дак оно и без того понятно! А починят когда, сказали?

– Сами не знают, – морщась, как от боли, отмахнулась Зоя.

– А этот где? – Соседка кивнула на место, на котором сидела Зоя.

– Решил не ждать... Дела, сказал, у него какие-то...

– А мужик-то ничего, – задумчиво заметила соседка, пересаживаясь к Зое поближе. – Не узнала, кто такой, откуда? Командировочный небось?

Зоя неопределенно пожала плечами и уставилась в черное стекло. Достала зажигалку, посмотрела на нее, чиркнула разок-другой, стала смотреть на маленький язычок пламени... Хотелось плакать...

Глава третья

ЦЕНА ХАЛЯВЫ

Парикмахерский салон с изысканным названием «Фея красоты» на Приморской был ярко освещен. Празднично играли бегущими разноцветными лампочками и наружная вывеска, и витрина, и сам салон внутри. Несмотря на поздний час, в уютном зале всего на пять мест еще находились очень полная женщина средних лет и молоденькая рыжеватая девушка с острым, как у лисички, носиком. С женщиной, важно восседавшей в кресле, работала парикмахерша Надежда Ивановна, сорокалетняя хозяйка салона, уставшая за долгий день и не чаявшая поскорее закончить сложную укладку ее вишневого цвета волос и закрыть за этой привередливой, невыносимой посетительницей дверь.

Снаружи, у тротуара, клиентку ожидала дорогая серебристая иномарка с молодым водителем. Тот медленно прохаживался вдоль фасада салона, поглядывая в широкое витринное окно. И всякий раз, будто встречаясь с ним взглядом, отраженным в зеркале, «вишневая» женщина приветливо помахивала ему растопыренными пальцами, унизированными толстыми кольцами и перстнями. Надежда Ивановна видела эту игру и мысленно усмехалась: поди, весь «золотой запас» на себя нацепила. В ушах клиентки болтались тяжелые серьги с рубинами, а с полной, складчатой сзади шеи свисал, покоясь между пышными волнами высокого бюста, крупный кулон – из того же сета. Поэтому что больше охранял тот высокий молодой человек явно спортивного телосложения, можно было еще гадать.

Молодая девица, похожая на известную куклу Барби, сидела в бигуди под колпаком большого фена, сохла и ожидала, когда Надежда Ивановна закончит со «старухой» и начнет делать укладку ей.

Обе эти клиентки шли, как обычно, по предварительной записи, но Тамара, к которой так поздно пришла девица, опоздавшая всего ничего – подумаешь, на какие-то пятнадцать минут! – скорее всего, забыла предупредить Надежду Ивановну про нее и отпросилась пораньше. Петька ее приболел, затемпературил. Перекупался небось, босяк, что им холодная вода! Вот она и сорвалась, чтоб детского врача успеть вызвать на дом. А этой рыжей «сопле» обязательно требовалась, понимаешь ты, фирменная прическа! Ответственное свидание у нее с женихом! Ишь ты!

Можно было, конечно, послать ее подальше, сославшись на ее же собственное опоздание, или извиниться, объяснив отсутствие Тамары форс-мажорными обстоятельствами – сынишка, мол, заболел, но в том-то и беда, что нынче за каждую клиентку приходилось бороться. Время другое пришло, и тянет иной раз послать какую-нибудь наглую дуру подальше, да приходится сдерживать язычок. Город не так уж и велик, а плохая слава быстро разносится. И конкуренток только на одной Приморской уже три штуки – «Молодость», «Идеал» и «Локон». Хоть и не густо у них с фантазией, зато салоны расположены ближе к центру...

К тому же и девица эта, помнила Надежда Ивановна, в последнее время несколько раз посещала ее «Фею...» и предпочитала, чтобы именно Тамара работала с ней. Ну как же, мода такая нынче – свой личный мастер!..

Симпатичная, остроносенькая Алиса с кукольной внешностью вообще-то по паспорту была Олесей, но с детства не любила свое имя, а когда прочитала книжку Льюиса Кэрролла, одну из немногих, кстати, которые были необязательны для чтения по школьной программе, то возненавидела «эту Олесю» окончательно, остановив свой выбор, естественно, на Алисе.

Сидя накрученной под шумящим феном, она от нечего делать смотрела по телевизору, стоявшему на подставке, укрепленной на противоположной стене, музыкальный клип Мадонны и очень жалела, что в школе относилась с пренебрежением к английскому языку.

Сейчас бы слова понимала и могла даже подпеть, голос-то у нее неплохой, а не только мычать знакомую мелодию “Sorry”. Вот будь здесь Славка, он бы подсказал, у него с «инглишем» все тип-топ! Ну ничего, зато она поразит его сегодня своей внешностью. Она уже заранее продумала тактику, и Славка будет окончательно повержен! Именно сегодня, в день его торжества... Ох, что будет, что будет!..

Девушка мечтательно закатила глаза. Их отношения со Славкой, до недавнего времени, можно сказать, теплые и товарищеские, вдруг обернулись куда более серьезными намерениями. И Алиса поняла это, увидев взгляд Славки, которым он окинул ее, когда она была на пляже. Ой, как посмотрел! Алисе даже горячо стало. Нет, она знала, что хороша собой, на нее и другие мальчишки поглядывали так иной раз, что почему-то становилось стыдно. Но Славка – он другой. Он, когда даже просто за руку ее берет, так у нее сердце екает. И она теперь прекрасно понимает почему. Потому что и она давно хочет того же, чего и он! Но если раньше у нее еще были сомнения по поводу того, любит он ее или нет, то теперь, после того, что он ей рассказал, взяв жуткую клятву хранить молчание, она готова сделать для него все, что он скажет, и следовать за ним куда угодно, хоть на край света, лишь бы находиться в его объятиях... Да, лишь бы в объятиях! А сегодня у них все так и будет. Потому что у мамы ночное дежурство в больнице, и дома она появится утром, только после того, как приступит к работе новая смена. А Славка всю ночь проведет наконец с ней, у нее в комнате! Ее Славка!.. Ой, скорей бы!.. И чего эта корова расселась тут? Время-то идет!.. А она красивая все-таки, эта Мадонна, вот бы стать похожей на нее!..

Алиса заерзала от нетерпения. Еще и тетя Тамара ушла, не предупредив... Жди теперь, когда Надежда Ивановна освободится! И чего она возится с той «старухой», как девушка с ходу окрестила клиентку? Подумаешь, вся в золоте! Да она, Алиса, если угодно, сама может столько золота теперь на себя навесить, что этой «старухе» и не приснится! Славка говорил...

Стоп! Мало ли о чем он ей говорил? Молчок, никто этого знать не должен. Ни одна живая душа. Только она, как он сказал, его любимая женщина... Ах, как здорово чувствовать себя настоящей, любимой женщиной!..

Фен еще этот шумит... Может, звук у телевизора сделать погромче?

Алиса дотянулась до пульта и усилила звук. Мадонна уже пела следующую песню, которую девушка слышала, но запомнить не могла.

Надежда Ивановна обернулась к ней, поморщилась и сказала, пытаясь быть вежливой:

– Пожалуйста, сделайте потише!

Алиса хотела возразить, но в этот момент погас свет. У нее будто екнуло в груди: неужели?!

– Эй! – закричала она, уже догадываясь о том, что произошло. – Зачем свет убрали?

– Подождите, пожалуйста, я сейчас посмотрю, – торопливо ответила Надежда Ивановна. – Посидите минутку спокойно, я сейчас лампу принесу, и мы посмотрим. Но боюсь, что это не у нас, вряд ли что-то с напряжением, скорее, это снова в городе... – Она вышла.

– Черт знает что тут у вас делается! – спустя короткое время воскликнула «старуха», находясь в полной темноте. – Ну куда же вы ушли, Надежда Ивановна? Почему вы меня бросили?

– Иду, иду! – ответила та из коридора и вернулась с зажженной керосиновой лампой в руках.

Это нехитрое изделие местной промышленности еще советских времен, к сожалению, знали все в городе, оно было палочкой-выручалочкой, ибо свет отключали довольно часто, особенно в последнее время, объясняя огромной задолженностью городских коммунальных служб перед энергетиками Краснодарского края. О зимних же месяцах ни прежде, ни теперь вообще говорить не приходилось – обычное явление.

С улицы в салон быстро вошел молодой человек, тот, чей автомобиль стоял под окнами.

– Кристина Андреевна, что случилось? С вами все в порядке?

– Сережа! Ну какой может быть порядок в нашем городе?! – возмущенно заговорила «старуха». – Ты же видишь, в самый ответственный момент отключили электричество! А что, я смотрю, на улице тоже темнота?

– Да, я видел, что по всей улице свет погас. И что делать прикажете? Может быть, вернуть машину и посветить фарами?

– А что, это выход! – снисходительно засмеялась «старуха». – Как считаете, Надежда Ивановна?

– Ну что вы, зачем?

– Эй, я не досохла! – крикнула Алиса, чтобы привлечь и к себе внимание. – Чего вы выключили-то?

– Вы не волнуйтесь, вероятно, у всех электричество отрубили, – смогла наконец высказаться и хозяйка салона. – Вы же знаете, это у нас случается. И далеко не в первый раз. Я думаю, скоро включают обратно! Если хотите, подождите минутку, я сбегаю и спрошу у соседей! – И она выбежала на улицу, освещаемую лишь проезжающими мимо машинами.

– Ха! Она думает! – оскорбленно воскликнула вредная «старуха». – И опять убежала черт знает куда!

– Мань! У вас света тоже нет? – донеслось с улицы. – Да вижу, вижу! – Надежда Ивановна, запыхавшись, вернулась в зал. – Девушки, молодой человек прав, на всей улице света нет. Но наверняка это временное явление, вам же известно, в городе такое не раз бывало...

Алиса достала из кармана мобильник и посмотрела на экране время. Да, именно об этом и говорил ей Славка. Девушка усмехнулась и вытащила из колпака фена голову с бигуди. Посветила себе мобильником, как фонариком, поглядела в зеркало.

– Говоришь, бывало? – пробормотала очень тихо. – Нет, такого у вас еще не бывало...

– Девушка, – обернулась парикмахерша к Алисе, – вы не волнуйтесь, сейчас дадут свет, и вас досушим. Все будет нормально, о господи... А вы, Кристина Андреевна, практически готовы, – подобострастно сказала она «старухе». – Еще штришок – и полный порядок. В самом лучшем виде и несмотря на временные катаклизмы... – Это она так, надо было понимать, пошутила. – С вами мы, слава богу, успели!

– Хорошо говорить – успели! Я тороплюсь, а вы, словно нарочно, время тянете! И еще уверяете, что считаетесь лучшим салоном в городе? Заканчивайте же, наконец! Сколько можно болтать?!

Ух, до чего же злобная, вредная старуха! Алиса посмотрела на нее с откровенным презрением, но той было по фигу, она же ничего не видела в полутьме.

– Ну вот, вот, вот... – торопилась Надежда Ивановна, пшикая на готовую прическу лаком из аэрозольного баллончика. – Вот и порядок, ах, красота какая! И волновались вы совершенно зря! Можете вставать.

«Старуха» бурчала что-то, расплачиваясь при свете керосиновой лампы.

– До свиданья, всегда ждем вас, Кристина Андреевна, будем рады...

Хозяйка парикмахерской проводила «старуху» до дверей, словно передала с рук на руки молодому человеку, закрыла за ними дверь и вернулась к Алисе, облегченно вздыхая и повторяя как заведенная:

– Все будет нормально, нормально....

– Ничего не нормально! – теперь уже сердито воскликнула Алиса. – Мне же волосы не высушили! А вы уже наверняка закрываетесь!

– Не закроюсь, не волнуйтесь, раз такое дело... – попыталась успокоить ее Надежда Ивановна, подвигая лампу ближе и быстро снимая бигуди. – А вы знаете? Волосы-то у вас практически высохли.

– А я вот тоже тороплюсь! – настаивала Алиса. – У меня, может, судьба сегодня решается! А вы не сделали мне прическу... Все пропало!..

– Девушка, я повторяю, не волнуйтесь, сейчас наверняка свет скоро включат...

– А если не включат? – злорадно спросила

Алиса.

– Если не включат, я вам и так уложу в самом лучшем виде, чтоб вы были довольны. И, если пожелаете, даже скидку для вас сделаю.

– Конечно, сделаете! – строго заявила Алиса. – И чтоб пятьдесят процентов, не меньше!

Бедная Надежда Ивановна тяжело вздохнула:

– Девушка, но ведь свет не я же выключила, поймите...

– А оно меня волнует? В общем, даю вам пять минут и – ухожу!

– Хорошо, – покорно согласилась парикмахерша, начиная укладывать волосы Алисы. – Пусть будет пятьдесят процентов, раз вы так настаиваете...

Алиса сидела в кресле, мечтательно закрыв глаза, и размышляла о том, что уже сегодня, а про завтра и говорить нечего, повсюду будет навалом халявного мороженого. Потому что любовь от нее уже никуда не уйдет. После тех тайн, в которые Алиса была посвящена Славиком, они с ним обязательно станут неразлучными, как... ну как попугайчики, которые такие забавные! Вот и свое будущее Алиса тоже представляла себе как одну долгую и забавную историю, в которой главное место у них будут занимать, конечно, любовь и обожаемое ею карамельное мороженое. Нет, мороженое лучше все-таки сейчас, а не потом. Ситуация-то в городе будет неподконтрольная, как хитро заметил ее любимый Славик. Скорей бы он заканчивал, что ли, там, у себя, и приходил, ведь ждать становится невтерпеж!..

А в голове у Надежды Ивановны роились совсем другие, обидные мысли.

«Что ж это за народ такой у нас? – с грустью задала она себе вопрос. – Откуда эти люди только берутся? Ну случаются же ситуации, в которых нет никакой твоей вины, ты сам страдаешь по причине чьего-то разгильдяйства, а они, все прекрасно понимая, тем не менее стремятся хоть на копейку, а нажиться на твоём несчастье! Вот и выходит, что ты в конечном счете отвечаешь за чужие грехи и сам же, по сути, оказываешься виноватым... А эти? Они – в шоколаде... В золоте с ног до головы... Учили, строили – и все впустую... ни малейшей совести у людей. Кому – конец света, а им – халява!»

Наконец, она закончила укладку у этой «сопли», слегка побрызгала волосы лаком, поправила пару локонов и сняла с клиентки пелерину.

– Я вам посвечу, можете смотреть, зеркалаще подержать? – Она подняла лампу. – Пожалуйста.

Алиса критическим взглядом оглядела свою прическу и, чтобы держать марку, сморщила носик.

– Ну так вроде ничего, – недовольным тоном сказала она. – Конечно, если б не ваше освещение, можно было бы и лучше, но – сойдет... Значит, как мы договаривались?..

– Да-да, – поспешно ответила Надежда Ивановна усталым голосом, – хотя моей вины тут нет, вы понимаете, но тем не менее...

Алиса отсчитала четыреста рублей – половину той суммы, что стоила ее сегодняшняя прическа, – и подумала, что и этого многовато, жаль, что сразу не стала торговаться, настаивать на еще большей скидке. Но подумала, что, наверное, не стоит портить отношения на будущее, а сейчас вдруг поняла, что больше вообще сюда не придет, они же уедут отсюда со Славкой! Он ведь твердо обещал!

А Надежда Ивановна, проводив «соплю», заперла дверь, кинула деньги на столик и опустилась на стул – ноги уже не держали. Посидела, глядя на прыгающий огонек фитиля лампы и пытаясь вспомнить, какая мысль мелькнула у нее, когда девчонка отсчитывала деньги...

Вспомнила-таки! Вот! Выбегая на улицу, она обратила внимание, что во тьму погрузилась не только Приморская с ее домами и уличным освещением, а, похоже, и соседние улицы, и, возможно, весь город. И это значило, что случилась не просто авария местного значения, а нечто куда более серьезное. И поэтому надо будет завтра, с утра пораньше, забежать в магазин напротив дома. Ведь если со светом действительно возникла серьезная проблема, в магазине «накроются» все холодильники, и мясные продукты наверняка выбросят по сниженным ценам, чтоб совсем не прогореть. И взять надо будет побольше, с запасом, а дома кинуть в погреб, на ледник, – ничего с ними не случится...

Глава четвертая

НОЧНОЕ ШОССЕ

Плетнев, пройдя весь состав, выбрался из первого вагона и словно нырнул в сплошную черноту – ни огонька, ни даже проблеска. Проводница, стоявшая на освещенной фонарем со свечкой внутри передней площадке – это чтобы в вагон не проникли незванные посторонние, – на вопрос Антона, куда идти, ответила, чтоб он шел, ориентируясь на рельсы. А через полчаса, как будет идти, дойдет до моста, под которым проходит шоссе. Ну а там уже ориентироваться по свету фар автомобилей. Справа – Цемдолина, слева – собственно город. Может, кто и подбросит. На вопрос, далеко ли до города – ну в том смысле, во что обойдется дорога, на какую сумму ориентироваться? – ответила, что это зависит от того, на кого нарвешься. Если, к примеру, мужики с Цемдолины, то возьмут по-божески, а если хохол окажется, которых тут в последнее время много набежало, так тот три шкуры содрать норовит. Жадные они, дома-то у себя ничего им не светит, вот и бегут сюда на заработки, деньги сшибать. А что за Цемдолина такая? Так поселок, где цемент производят, там – работяги, хохлам там делать нечего.

Странное дело, подумал Плетнев, неужели и тут так напряжен национальный вопрос? Украина ведь рядом, соседи... Шла б еще речь о Западной Украине, где «москалей» действительно недолюбливали, но и до конфликтов не доходило, хотя черт их всех теперь знает!.. Высокой политикой Антон не интересовался, считая ее пустым делом, но уж в России-то если возникнет вопрос насчет «трех шкур», то это как еще посмотреть. Да, многое ему до сих пор оставалось непонятным, еще после командировок в Сербию, в другие «горячие точки». Мир, словно в одночасье, перевернулся с ног на голову, возникли проблемы, о которых, был почему-то уверен Плетнев, люди давно уже позабыли. Выходит, нет, будто только и ждали, чтоб кто-то чеку из гранаты выдернул, – и сразу рвануло, да не в одном месте, а повсюду...

Плетнев шел, стараясь приноровить ширину шага к расстоянию между шпалами. Наступать на каждую – неудобно, не шаг, а черт знает что, мельтешня какая-то. Шагать через одну – тоже неудобно, чуть многовато, и нога сбивается... Он останавливался и прислушивался. Вдали, впереди, слышались шаги, негромкий говор – это топали пассажиры, ушедшие раньше. Оглядывался и снова прислушивался – сзади никто его не догонял. Да и он сам тоже не хотел никого догонять, тем более что чувствовал себя превосходно, совсем легко – вот что значит сбросить с себя лишний груз! Ухмыльнулся: все-таки молодчина она, эта Зойка! Прямо как угадала, что именно такой встряски и не хватало ему все последние месяцы, особенно те, что он занимался расследованием теракта. Зато всяких губительных эмоций было с избытком.

Стрелки на светящемся циферблате часов показывали начало первого часа ночи – это если отсчитывать от того момента, когда повсюду погас свет, что случилось около половины одиннадцатого. Ну и там дальше пока то да се, пока расстались с Зоей, и он прошел по вагонам... С проводницами поговорил... Короче, по всему выходило, что в пути он находится с полчаса, и, значит, мост должен быть теперь где-то совсем уже рядом.

А глаза между тем привыкли к темноте. И сама она не казалась уже крошечной, как говорится. И хотя ни луны, ни земных огней нигде не было, может быть, именно лучи дальнего света автомобильных фар и создавали какую-то определенную видимость светящегося фона неба. Во всяком случае, Антон вполне различал уже чуть более светлые на темной земле полосы шпал и не промахивался ногой, как в начале пути. Или это уже далеко, за горами, за Кавказом, где-нибудь в Гималаях, занимался робкий рассвет, которому сюда еще шагать и шагать, но он-то уже есть, он в пути...

А Зойка, поди, спит и во сне улыбается, симпатичная женщина, которой так немного-то и надо – как она сказала? – славного мужика... для полного счастья... Не забыть бы адресок... Как

там? Спортивная, это точно, а вот дом? Кажется, пять. Неважно, зато фамилию не спутаешь – Лупий, надо же! Женишок, сказала, не соперник?.. Да, неплохо бы с ней, да на всю ночь... Опа! – Плетнев запнулся в шагу, потому что не увидел очередной шпалы и носком ботинка уткнулся в край рельсы. Он присел на корточки и ощупал рельсу. Сообразил, что добрался, кажется, до моста, а здесь, говорила проводница, где-то должен быть и спуск с насыпи. Вот только как его найти?

Недалеко внизу, метрах в пятидесяти примерно, из-за поворота выкатил грузовик, и его фары, подпрыгнув лучами, осветили низ лестницы, идущей сверху, то есть отсюда. А вот и начало железных перил.

Держась за них, Антон начал спускаться и вскоре ступил на твердую поверхность асфальта. А вылетевшая из-под моста легковушка с ходу мазнула по нему фарами, ослепив, но, не останавливаясь, промчалась мимо. Плетнев даже и руку не успел поднять. Сориентировавшись, он перешел на другую сторону шоссе и пошел по нему опять вдоль насыпи, там, где-то впереди, как опять же объясняла проводница, был поворот в сторону города. Ничего страшного, машина догонит. Можно ей на всякий случай и зажигалкой посветить. Антон поискал в сумке и нашел вторую зажигалку, чиркнул – она загорелась.

Он шел, но никто его не обгонял. Навстречу двигались редкие машины, они освещали издалека ровную ленту шоссе. Наконец, дошел до поворота, увидел впереди несколько качающихся огоньков. Донесся приглушенный расстоянием разговор. Очередная машина, шедшая навстречу, осветила козырек автобусной, надо было понимать, остановки.

Антон подошел ближе и почувствовал уже носом табачный дымок. Люди замолчали, словно ждали чего-то от него.

– Здравствуйте, – сказал он негромко. – Я с поезда, застряли... Скажите, отсюда в город добраться можно будет?

– Не местный, что ль? – спросил хриплый, прокуренный голос.

– Вообще-то из Москвы. Командировка... – сказал Антон.

– Утра надо ждать, – ответил другой голос, помоложе. – Первый автобус пойдет в пять, а сейчас... эва, только час! Долго ждать... Сами стоим, может, кузов какой подвернется с Цем-долины...

– Скажите, а просто попутной машиной? Мне сказали в поезде...

– Ну, если ты, москаль, богатый, – гоготнул тот же хриплый, – тогда сколько угодно, бери первого, который проедет!

И снова Антон вспомнил проводницу. Спросил вроде шутливо:

– А «москаль» у вас тут что, как бы уже и не русский, да? Или бывшие соседи уже полностью к нам, в Россию, переселились и свои порядки наводят?

– Да не бери в башку, парень, – отозвался третий голос. – Это тут местные бизнесмены с Хохляндии свою моду вводить пробуют.

– А в рыло? – воинственно заявил хриплый.

– А это мы с удовольствием! – весело ответил молодой. – Ну-ка выдь на свет! Предъяви рыло! Да не прячься, выходи, поглядим, какое оно у тебя!

В группе людей послышался шум, несколько восклицаний, какой-то шлепок и сразу оправдания:

– Да шо вы, хлопцы? Вы шо?! Да то ж нэ я! Я ж шутковал!..

По шоссе застучали, удаляясь, каблуки.

– Побёг! – констатировал молодой и засмеялся, крикнул вдогонку: – А ну геть! – и засвистел по-разбойничьи.

Его поддержали, захохотали, но смех быстро стих, вероятно, настроение было не то. Люди снова закурили, забыв о забавной перепалке.

«Странная штука этот национализм, – подумал Плетнев. – Черт-те в чем гнездится. Вроде и повода нет, но обязательно найдется такой вот хрен, чтоб дерьма подбросить, чтоб навонять... А потом схлопочет по морде и всем жаловаться станет, что его обидели... И ведь обязательно найдутся для него заступники...»

Даже и не догадывался Плетнев, насколько был прав...

В начале третьего, когда небо над горами начало немного светлеть, так что стали различаться силуэты сидящих на лавке и стоящих вокруг козырька автобусной остановки людей, у Плетнева зазвонил мобильник. Антон достал трубку и отошел в сторонку, недоумевая, кому пришло в голову звонить ему в такое время? Посмотрел. Вызывал Петр Щеткин. Вспомнил Плетнев, что обещал сам перезвонить в Москву тут же, как только устроится в гостинице. Но не устроился и потому, естественно, не звонил.

– Слушаю, Петь. Привет. Чего ты так поздно?

– Хочешь сказать, рано? Ты где вообще-то? Чего молчишь?

– Так у нас тут нигде света нет. Вот и стою на шоссе, жду попутку в Новороссийск...

Погоди, кажется, кто-то едет.

Мимо него на хорошей скорости пронеслась машина. В салоне горел свет, и было видно, что там даже перебор с пассажирами. Это, наверное, ехали те, что шли впереди Антона, а потом свернули не как он, налево, а пошли направо. Вот и поймали первыми.

– Ну рассказывай, чего у тебя там? Почему света нет? – спросил Щеткин.

– Чего рассказывать? В поезде был полный мрак. Электричество выключили задолго до подъезда к городу. Я прошел по вагонам. Народ шумел, возмущался, а у проводников допотопные свечки в фонарях, представляешь? Они носились как угорелые, успокаивали, что скоро дадут свет и, мол, тогда... А его все нет и нет. Ждали какого-то резервного питания, не дождались. Потом пообещали тепловоз подогнать, но и его тоже не было, вот я и отправился пешком. Теперь стою, жду попутку...

Дальнейшие объяснения не потребовались. Щеткин предложил созвониться днем, вроде бы у Меркулова какие-то мысли наклюнулись по поводу Сашки Турецкого. Попрощались, Антон сунул трубку в карман и присел на корточки – так меньше уставали ноги...

Где-нибудь спустя полчаса Антон услышал шум машины раньше, чем та показалась из-за поворота шоссе, вышел к трассе и зажег огонек зажигалки. Машина пролетела мимо, но, проехав метров сто, резко, с визгом шин, остановилась, и оттуда донесся голос:

– В город, что ль? Тогда подходи!

«Чего он, сдать назад не может?» – подумал Плетнев и крикнул:

– Сейчас подойду! – Обернувшись: – Мужики, может, кому-то срочно надо? Так я все равно плачу, давайте, по дороге же, а?

– Да не, паря, – отозвался кто-то, – валяй сам, мы подождем, уже недолго.

– Ну как знаете. Пока, мужики.

– Давай, парень!

– Идешь, что ль? – крикнул водитель.

– Иду, иду...

Плетнев неторопливо подошел к машине со стороны открытой дверцы водителя. Это была обыкновенная российская «пятерка». Тот включил свет в салоне, и Антон увидел, что имеется одно свободное место сзади. Там уже сидели мужчина и женщина средних лет, с узлами на коленях, а рядом с водителем расположился совершенно лысый толстяк. Пассажиры не обратили на него, когда он открыл заднюю дверцу, никакого внимания.

– До города подбросишь? – спросил Плетнев, собираясь уже сесть.

– Отчего ж нет? – ухмыльнулся водитель в белой курортной кепочке, обернувшись. – Милое дело... Сто баксов – и садись!

– Ни хрена себе цены у вас! – покачал головой Плетнев. – С ума, что ль, посходили? Даже у нас, в Москве, таких цен нет!

Слукавил Антон, и в Москве таксист тоже запросил бы с него в ночное время те же самые сто долларов, чтоб доставить его в город из любого аэропорта. Если б Плетнев ему дал. Но в Москве – другое дело, там муниципальный транспорт работает, да еще и всякие частные автолайны. А здесь – глушь, видать, беспросветная.

– Ну ты едешь? – нетерпеливо крикнул водитель. – Если не хочешь, так не держи машину! Жалко таких денег, конечно, но что делать?

– Ладно, поеду, – ответил Плетнев, садясь.

– Деньги вперед! – торопливо заявил водитель.

– Да что я, выскочу на ходу, что ль?

– А кто тебя знает! – вроде бы опасливо ответил водитель. – Закон у нас такой. Чтоб вперед...

– М-да-а... – протянул Антон и полез за бумажником. А шофер машину не трогал с места до тех пор, пока не получил свою сотню. А потом стал ее аккуратно засовывать в собственный бумажник. Он уже не торопился, будто ждал чего-то. И, видно, дождался.

Откуда-то сбоку, в свете зажженных фар, появился крупный кряжистый мужик и сразу сунулся к водителю.

– Здорово, земляк, – очень знакомым, хриплым голосом поздоровался он. – Как хорошо, что тебя встретил. Опаздываю, понимаешь, на смену. Подбросишь по дружбе?

– Здоров! Ну а как же своим-то отказать? Непорядок, да? – Он обернулся. – Давай, москвич, вылазь! Лови себе другую машину. Видишь, человек опаздывает?

– С чего это я буду «вылазить»? – передразнил Антон. – Ты деньги взял? Вот и вези. Пусть твой земляк ждет теперь попутку.

– Не, ты понял? – обратился водитель к хриплому.

– Та ж москаль, одно слово, – с угрозой отозвался тот и рывком отворил дверцу. – Вылазь, сука, раз ты по-людски... – И хриплый ухватился за ремень сумки Антона, выдергивая его наружу.

Плетнев точным ударом по рукам нападавшего отбросил руки хриплого от себя, после чего увесисто хлопнул водителя по плечу:

– Деньги возвращай! Сто баксов, что взял у меня.

– Какие деньги? Какие баксы?! – завопил водитель таким голосом, будто Антон собирался его убивать.

– А ты шо, гроши у нэго брав? – изумился хриплый.

– Да не давал он мне никаких грошей! Я ж только цену ему называл! Вон и свидетели подтвердят! Подтвердите, люди добры!

Но пассажиры молчали, а женщина – та вообще так прижалась к своему спутнику, что освободила половину сиденья.

– Та-ак, – с угрозой протянул Плетнев.

Драка никак не входила в его планы, да и хохол этот хриплый, успел Антон рассмотреть его при свете фар, был явно неслабым, но это уже не имело значения. А вот то, что водитель, согнувшись, загремел чем-то железным, этого нельзя было упускать из виду, наверняка монтировку приготовил заранее – для таких вот строптивых пассажиров. И хохол вдруг снова вцепился в плечо Антона и резко потянул его из машины. Ну с такими приемчиками им и делать нечего.

Антон, ловко развернувшись, точно выбросил вперед обе ноги и врезал нападающему в живот. Тот отлетел, охнул и стал оседать. Вот теперь можно было поговорить и с водилой.

Плетнев ловко выскочил из машины и перехватил руку водителя, в которой была зажата монтировка. С переднего сиденья неожиданно выскочил толстяк и кинулся на помощь води-

телю с другой стороны. А тут еще и хохол опомнился и стал, громко матерясь, причем чисто по-русски, подниматься на ноги. С троими нелегко, конечно, но ведь учили же не даром... Да и практики в жизни хватало...

Но в этот момент по их группе ударил луч от фары, и к машине стремительно подкатил, заметил Антон боковым зрением, мотоциклист. А вот этот уже был совсем лишним.

– Ну вот что я вам скажу, хлопцы, – стараясь не показать ярости, спокойным тоном начал Плетнев, – раз вы такие наглые и настырные, мне придется сейчас вас всех троих крепко наказать. Причем по-черному. Вы не поняли, на кого навалились. А ты, – он кивнул мотоциклисту, – лучше не подсовывайся под руку.

Видно, услышали нападавшие что-то в его голосе, потому что на миг замерли, а мотоциклист звонко расхохотался, чуть приподняв забрало шлема, и хлопнул Плетнева по спине:

– Здоров! Ты чего, совсем не узнал меня? Извини, что опоздал. Я-то думал, ты к нам отправишься, а ты, оказывается, сюда. А чего эти от тебя хотят?..

Но трое молчали, переваривая появление у Антона, видать, серьезной подмоги. Да и водителя Плетнев все еще крепко держал за руку, слегка вывернув его кисть с монтировкой на сторону, отчего тот просто вынужден был и сам нелепо изогнуться.

– Эй, Цемдолина родная, чего молчим? – весело крикнул молодой, судя по голосу, парень. – Чем вам мой друган не угодил, а? Да отпусти ты его, – он снова легко шлепнул Антона по спине, – куда он денется?

Плетнев оглянулся, подумал и оттолкнул руку водителя, тот попятился, потирая запястье.

– Ну, какие проблемы? – баском спросил мотоциклист.

– Да это не у нас, это у дружка твоего сейчас будут большие проблемы, – с угрозой заявил водитель. – С памятью у него хреново... Деньги, говорит, давал за проезд, да только ни я, ни вот пассажиры мои не помним этого. Сто баксов требует! А где я их возьму ему? И ты считаешь, мы ему спустим, да? Как же...

– Сто баксов? Гляди-ка! Да ведь вот какая штука, мой-то друган никогда ничего зря не говорит. А свидетели твои, если я их сейчас сам спрошу, так они обязательно всю правду про тебя выложат. Но я пока не буду. А вот ты мне ответь. Ты ж наш, цемдолинский, так?

– Ну... – неуверенно ответил водитель.

– Чего «ну»? Гну! Вон, вся задница в цементе! – Мотоциклист пнул ногой задний бампер. – А раз так, то ты должен и Слона из пятого цеха знать. Верно говорю?

– Ну... Кто ж Слона не знает? И чего с того?

– А то, что Слон сегодня моему старшему брату полянку накрывает, понял? Можешь под вечер заглянуть на Строителей, сам убедишься. Так вот, я и говорю: брат шепнет Слону, что один водила грешный, что на «пятерке» по ночам баксы стрижет, сунул к себе в карман деньги моего другана, и надо бы их оттуда вынуть, чтоб гостя нашего не обижать, и водиле тому популярно и доходчиво разъяснить, что он поступил очень неправильно. Соображаешь, чего Слон тебе на это скажет?

– А кто мне запретил? – протестовал водитель. – Моя машина! Кого хочу, того и вожу!

– Так ты подумай, прежде чем отвечать станешь Слону, а пока в карманах у себя пошарь – вдруг забыл? Бывает же такое. Да и номер у тебя, как нарочно, замазан! – Мотоциклист уже сильнее пнул задний бампер. – Но ничего, разглядеть вполне можно...

– Чего глядеть-то? – уже с неуверенной интонацией возразил водитель, снимая кепочку и вытирая ею почему-то сразу вспотевшее лицо. – Не было, говорю... Разве что посмотреть?..

Он сунул руку в карман, а другой, с зажатой в ней монтировкой, заслонился от луча слепящей фары мотоцикла.

Хриплый между тем как-то неохотно отступил в сторону, в тень. И сразу словно растворился в темноте. Толстяк же, набычившись, оглядел мотоциклиста, сердито сплюнул, вернулся

в машину и захлопнул за собой дверцу. А водитель стал медленно и задумчиво шарить в карманах.

– Ты в бумажник загляни, – посоветовал Плетнев, получая отчасти даже удовольствие от непонятого еще ему спектакля.

И водитель, будто опомнившись, вытащил бумажник, раскрыл и даже глаза вытаращил от изумления.

– Да вот же ж! – воскликнул он с фальшивой радостью. – Вспомнил! Он же ж мне, и правда, чего-то сунул, какую-то бумажку, а я и не понял, что это. Вот эта, наверное, его? – И он протянул стодолларовую купюру мотоциклисту.

– А зачем она мне, ты хозяину отдай.

Водитель, не глядя на Плетнева, повернулся к нему:

– Твоя, что ль?

– Моя, – ответил Антон, забирая купюру. – А с этих что, тоже в городе две шкуры спустишь? – Он кивнул на мужчину и женщину, сидевших испуганными мышами на заднем сиденье.

– Зачем? Они заплатили, это я помню точно.

А вот про тебя, извини, забыл. Да и темно...

– Видишь, как быстро память восстанавливается? – засмеялся мотоциклист. – А ты, значит, моего друга хотел обуть? Не шали на дороге, дядя, – добавил он строго, садясь в седло мотоцикла. – Ладно, вали отсюда. А ты ко мне пристраивайся. – Он показал Антону рукой сзади себя. – Сейчас с ветерком долетим!

– Спасибо, земляк, – вроде бы даже и обрадовался водитель такому выходу из ситуации. – Раз ты сам повезешь, тогда мы поедem, да? А Слона не стоит беспокоить, чего не случается, верно, москвич? – Он быстро нырнул за руль, и машина тут же тронулась – без того, хриплого хохла, так и исчезнувшего в ночи, будто его никогда здесь и не было.

Как понял Антон, это была обычная дорожная практика таких вот мелких ночных грабителей. Их тут небось целая шарашка работает, и кто сдачи дать им не сможет, тот, считай, ограблен. И доказывать некому. Ловко устроились.

– Спасибо, парень, – сказал Антон, садясь сзади мотоциклиста, поджимая длинные ноги и не без труда устраивая их на задних подножках. – Выручил... Я бы, конечно, справился, но без сильного мордобоя точно не обошлось бы. А кто-нибудь и в больнице мог оказаться. Вот и разбирайся потом. Да и меня, не исключая, тоже могли бы задеть, а с подбитой рожей входить в доверие к вашему местному руководству не резон, конечно. А мне некогда гримом заниматься, товарища найти надо, боюсь, что он в беду мог попасть...

– У нас в городе, да?

– Все вроде бы ведет сюда. Утром зайду в городскую прокуратуру, разберемся, думаю, помогут.

– Ты лучше мне расскажи, мои друзья помогут тебе быстрее.

– Ладно, спасибо, буду иметь в виду... А ты, вижу, с этими, из Цемдолины, не шибко церемонишься? И Слоном его определенно испугал, ишь как он сразу заюлил! Кто этот Слон, авторитет какой-нибудь? Из местного криминала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.